

БЕРНАРД КОРНУЭЛЛ

АЗЕНКУР

*В романах Бернарда Корнуэлла история поистине оживает.
Джордж Р. Р. Мартин, создатель «Игры престолов»*

The Big Book. Исторический роман

Бернард Корнуэлл

Азенкур

«Азбука-Аттикус»

2008

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Корнуэлл Б.

Азенкур / Б. Корнуэлл — «Азбука-Аттикус», 2008 — (The Big Book. Исторический роман)

ISBN 978-5-389-14415-6

Битва при Азенкуре – один из поворотных моментов в ходе Столетней войны между Англией и Францией. Изнуренная долгим походом, голодом и болезнями английская армия по меньшей мере в пять раз уступала численностью противнику. Французы твердо намеревались остановить войско Генриха V на подходах к Кале и превосходством сил истребить захватчиков. Но исход сражения был непредсказуем – победы воистину достигаются не числом, а умением. В центре неравной схватки оказывается простой английский лучник Николас Хук, готовый сражаться за своего короля до последнего. Только благодаря воинскому искусству, дисциплине и личной доблести таких солдат добываются самые блестящие победы в истории. Этот захватывающий роман о войне – великолепная литературная реконструкция, одно из лучших творений Бернарда Корнуэлла, автора признанных мировых бестселлеров цикла «Саксонские хроники», романов о стрелке Ричарде Шарпе и многих других книг.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-14415-6

© Корнуэлл Б., 2008
© Азбука-Аттикус, 2008

Содержание

Пролог	12
Часть первая	27
Глава первая	27
Глава вторая	41
Глава третья	53
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Бернард Корнуэлл Азенкур

Bernard Cornwell

AZINCOURT

Copyright © 2009 by Bernard Cornwell

All rights reserved

© И. Майгурова, перевод, 2018

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018

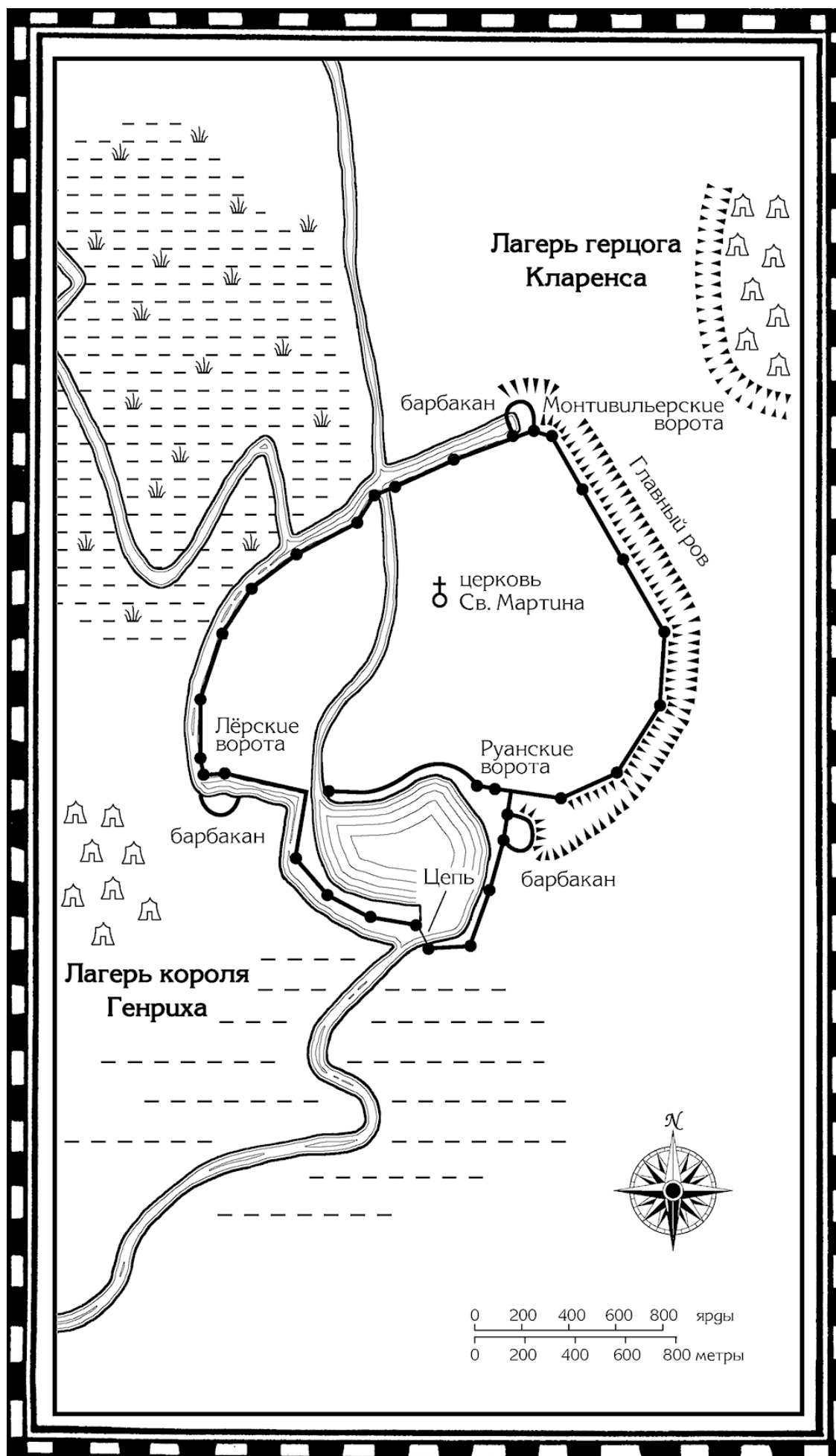
Издательство АЗБУКА®

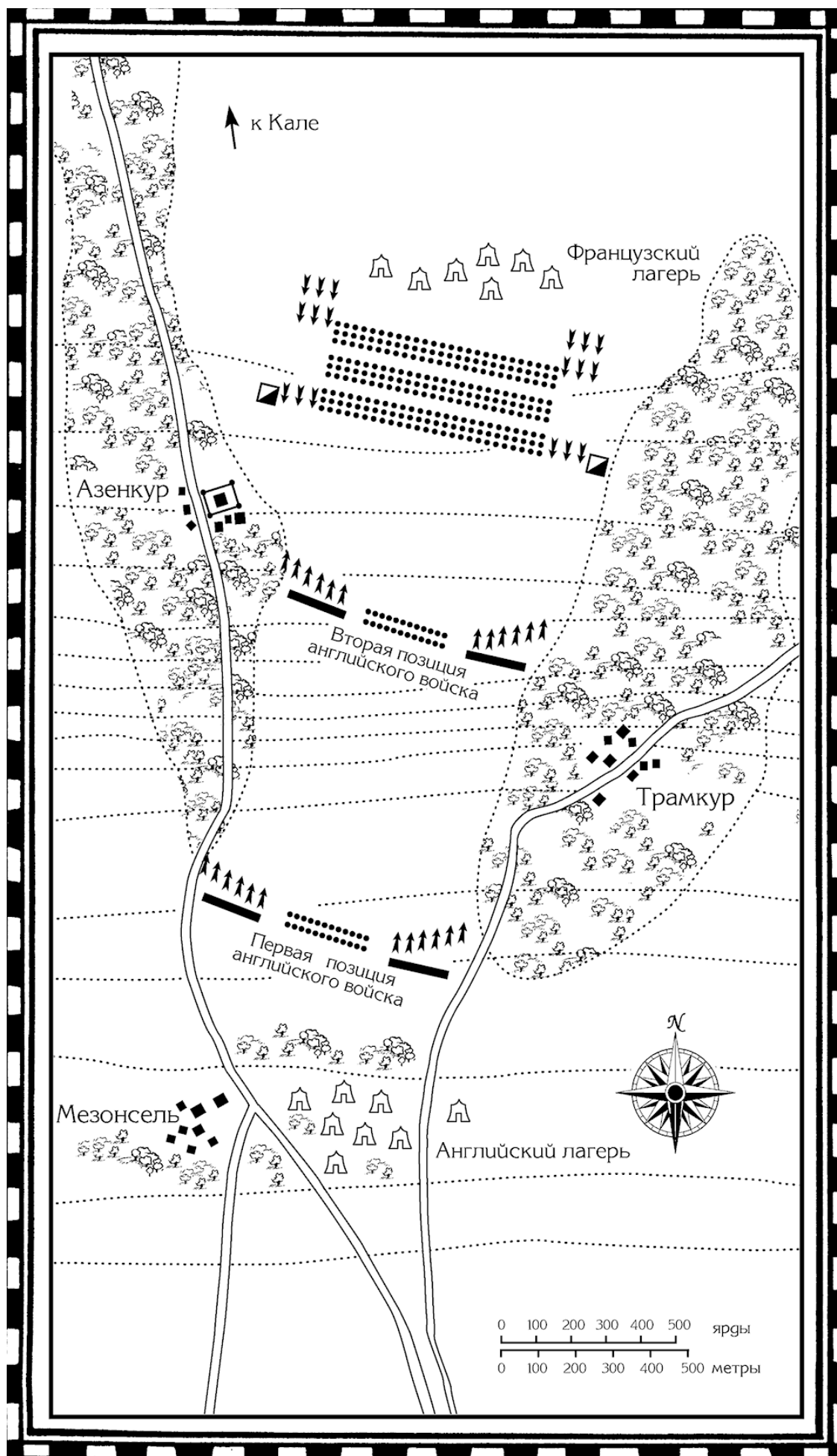
* * *

Моей внучке Эсми Корнуэлл, с любовью

Азенкур – одно из самых ярких эпических событий в истории Англии... Это победа слабых над сильными, простонародного войска над конными рыцарями, отваги над гордыней... И еще это повесть о нравах, годных для скотобойни, и откровенных зверствах.

Сэр Джон Киган. Лик битвы

...Убитых множество и груды трупов; нет конца трупам, спотыкаются о трупы их.

Наум. 3: 3

Дорогой читатель!

Бернард Корнуэлл давно числится среди моих любимых авторов, и потому я с великим удовольствием представляю вам роман, который считаю лучшим из всего им написанного, – «Азенкур». Усилия издательства «HarperCollins», годами создававшего читательскую аудиторию для этого блистательного рассказчика, принесли свои плоды: продажи росли от книги к книге, недавний цикл «Саксонские хроники» вывел Корнуэлла на новый уровень, и теперь наконец свершилось счастливое событие, которого мы так ждали: выходит в свет «Азенкур» – крупный отдельный роман, способный принести Бернарду Корнуэллу широкое читательское признание, которого автор всецело заслуживает.

Битва при Азенкуре позволяет писателю, снискавшему заслуженную славу «величайшего мастера историко-приключенческого романа» («Вашингтон пост»), достичь невиданной прежде масштабности повествования. Многие помнят, что в драме Шекспира «Генрих V», действие которой строится вокруг Азенкурской битвы, король Генрих говорит «о нас, о горсточке счастливых, братьев»¹. Азенкур и вправду был сражением малого войска против многолюдных полчищ: 25 октября 1415 года на раскисших от ливня полях Северной Франции шесть тысяч английских воинов сошлись в битве с тридцатью тысячами французов – и победили. Слава этой победы – одного из крупнейших событий средневековой Европы – не меркнет даже спустя шестьсот лет.

В 2003 году мне посчастливилось съездить вместе с Бернардом на поле Азенкурской битвы, и я был несказанно впечатлен картиной сражения, которую он развернул передо мной там, на поросшей травой равнине, и которая вновь вставала у меня перед глазами во время чтения романа.

Новая книга в полной мере отражает признанную особенность таланта Бернарда Корнуэлла – умение преломлять исторические события через восприятие конкретного человека: великая битва предстает перед нами так, как ее видит простой парень, английский лучник Николас Хук. Созданный умелым пером Корнуэлла, увлекательный роман о войне и выживании воспринимается как блестящее историческое исследование и великолепный плод творческой фантазии – захватывающее, интересное и познавательное чтение. Надеюсь, вам понравится!

*Брайан Мюррей,
президент и главный исполнительный директор
HarperCollins Publishers Worldwide,
июль 2008*

¹ Шекспир У. Генрих V. Акт IV, сцена 3. Перевод Е. Бируковой. – Здесь и далее примеч. перев.

Пролог

Зимним днем 1413 года, перед самым Рождеством, Николас Хук решился на убийство.

День стоял холодный. Полуденное солнце тщилось растопить ледяную корку, которой сковал землю крепкий ночной мороз. В безветренной тиши мир выглядел бледным, стылым и недвижимым, лишь на нижней дороге, что вела от лесных холмов к мельничным пастбищам, маячила фигура Тома Перрила.

Девятнадцатилетний Ник Хук был охотником, и даже в мороз, когда легчайший неверный шаг отзывался бы ледяным хрустом, он ступал бесшумно, как призрак. Ник двигался так, чтобы ветер дул от него в сторону нижней дороги – там, погоняемый Перрилом, ломовой битюг лорда Слейтона тащил на постромках тяжелый срубленный вяз, который пойдет на новые лопасти для мельничного колеса. Том Перрил был один, хотя редко пускался в путь без братца или прихвостней, а уж чтобы выйти за деревню без лука на плече – такого Хук за ним не помнил.

Ник Хук остановился у кромки леса, скрытый кустами падуба. В сотне шагов от него Перрил исходил проклятиями: огромный вяз, то и дело цеплявшийся за мерзлые неровности колеи, вконец измучил битюга, и тот, заартачившись, встал. Даже исхлестанный в кровь, он не сходил с места, и Перрил, опустив руку с кнутом, лишь бессильно осыпал бранью несчастное животное.

Из холщовой сумки на поясе Хук вытащил стрелу и убедился, что выбрал нужную. Широкий наконечник с длинным черешком и с лезвиями, способными прорезать оленье тело, – от такой стрелы жертва истечет кровью, даже если Хук промахнется мимо сердца, чего обычно не случалось. В восемнадцать лет Ник Хук выиграл состязание трех графств, победив знаменитых на пол-Англии лучников, и на сто шагов бил без промаха.

Хук наложил стрелу на цевье, не отводя глаз от Перрила: оружие он чувствовал не глядя. Подхватив стрелу большим пальцем левой руки, правой слегка сдвинул тетиву, чтобы она легла в узкую прорезь на оперенном конце стрелы, и вскинул лук, по-прежнему не отрывая взгляда от старшего сына мельника.

Любой, кому не выпало быть лучником, не напряг бы лук и наполовину, однако Хук натянул тетиву без видимых усилий, доведя ее до правого уха.

Перрил, одетый в кожаные оленьи штаны поверх куртки, глазел на мельничные пастбища, за которыми серебристой нитью вилась река под оголенными по-зимнему ивами, и не подозревал, что от смерти его отделяют всего несколько мгновений.

Хук отпустил тетиву, и мягкое движение отзывалось в пальцах лишь едва заметной дрожью.

Стрела пошла ровно. Мелькнуло серое оперение. Ясеневого древка со стальным жалом устремилось прямо в сердце Перрилу. Хук затачивал наконечник собственноручно и знал, что оленью шкуру тот прошивает так же легко, как тончайшую паутину.

Ник Хук ненавидел Перрилов не меньше, чем те – Хуков. Вражда зародилась два поколения назад, когда дед Тома Перрила убил деда Хука в деревенской харчевне, ткнув его в глаз кочергой. Старый лорд Слейтон объявил случившееся честной дракой и оставил мельника без наказания. С тех самых пор Хуки жаждали поквитаться.

Ни разу в этом не преуспев.

Отца Ника забили до смерти на футбольной игре: из дюжины молодцов, что кинулись искать мяч, улетевший в заросли за господским садом, вернулись лишь одиннадцать. Винового не нашли, хотя все знали, что без Перрилов не обошлось. Попытку объявить смерть убийством молодой лорд Слейтон высмеял:

– Если вешать за убийство на футболе, придется казнить пол-Англии!..

Отец Хука, пастух, оставил беременную вдову и двоих сыновей. Вдова, пережив мужа на два месяца, разрешилась мертвой девочкой и умерла родами в праздник Святого Николая – в тот самый день, когда Нику исполнилось тринадцать. Бабку такое совпадение убедило в том, что Ник проклят, и она прибегла к своим средствам: вогнав стрелу поглубже ему в бедро, она затем велела Нику убить ею оленя, чтобы снять проклятие. Однако лань из угодий лорда Слейтона, воровски добытая окровавленной стрелой, ничего не изменила: Перрилы и не думали вымирать, вражда длилась по-прежнему. Когда у Хуков зачала великолепная яблоня, бабка не сомневалась, что дерево сглазила Перрилова старуха.

– Мерзкие дерьмохлебы эти Перрилы, – сплюнула она. – Как есть выродки.

На Тома Перрила и его младшего брата Роберта она попыталась навести порчу, однако болезнь их не взяла: не иначе как оберег Перриловой старухи оказался сильнее. Зато пропали две козы, которых Хук гонял на общее пастбище. И хотя деревня списала пропажу на волков, Ник Хук точно знал, что тут постарались Перрилы. В отместку он зарезал их корову, но корова – не Перрилы, те остались жить. Бабка то и дело бурчала, что Хук обязан истребить вражье отродье, но подходящего случая так и не подворачивалось. В конце концов бабка прокляла Ника («Чтоб тебе плеваться дерьмом, чтоб тебе корчиться в аду!») и в шестнадцать лет выставила его из дома.

– Сдохни от голода, ублюдок! – прорычала она вслед.

К тому времени бабка выжила из ума, спорить было бесполезно.

Голод угрожал бы Хуку всерьез, не выйди он в тот год на состязание шести деревень. Поглядев, как Ник одну за другой всаживает стрелы в дальнюю цель, лорд Слейтон официально назначил его егерем: теперь Хуку вменялось в обязанность снабжать олениной стол его светлости.

– Уж лучше бей дичь по долгу службы, – заметил тогда лорд Слейтон, – чем тебя вздернут за незаконную охоту.

Сейчас, перед самым Рождеством, в День святого Виннибальда, Ник Хук следил глазами за стрелой, пущенной в Тома Перрила.

Хук не сомневался, что она несет смерть.

Стрела шла ровно, уже начав снижаться между высокими, посеребренными инеем изгородями. Том Перрил о ней и не подозревал. Ник Хук улыбнулся.

И тут стрела дрогнула.

Оперение отлетело в сторону – должно быть, не выдержал клей и обвязка. Стрела, дернувшись влево, царапнула коню бок и вонзилась в плечо. Битюг заржал, вздыбился и рванул вперед, выдернув тяжелый ствол дерева из заледеневшей борозды.

Том Перрил оглянулся было на кромку леса, но вовремя сообразил, что второй стрелы лучше не дожидаться, и что есть мочи припустил вслед коню.

Ник Хук вновь остался ни с чем. Проклятие действовало по-прежнему.

Лорд Слейтон, суровый воин лет за сорок, с усилием опустился в кресло – некогда при Шрусбери вражеский меч угодил ему в позвоночник, навсегда сделав калекой.

– Где ты был в День святого Виннибальда? – мрачно спросил он Хука.

– Когда это, мой господин? – невинно спросил тот.

– Выродок, – бросил лорд Слейтон, и управляющий ударил Хука в затылок костяной рукоятью хлыста.

– Я не знаю, когда был тот праздник, господин, – упрямо повторил Хук.

– Два дня назад, – ввернул сэр Мартин, шурин лорда Слейтона и священник господского поместья.

Рыцарем он был не больше, чем Хук, однако лорд Слейтон велел звать его сэром за благородство рождения.

– А! – Хук сделал вид, будто его внезапно осенило. – Я подравнивал ясень у Нищенского холма, господин.

– Лжец, – отрезал лорд Слейтон, и Уильям Сноболл, главный лучник и управляющий его светлости, вновь ударил Хука по затылку, на этот раз с размаху, так что закапала кровь.

– Клянусь честью, господин, – убедительным тоном проговорил Хук.

– Честью Хуков! – сухо проронил лорд Слейтон, переводя взгляд на семнадцатилетнего Майкла, младшего брата Ника. – А ты где был?

– Покрывал тростником крышу паперти, мой господин, – ответил тот.

– Это правда. – Глянув на младшего Хука, долговязый сэр Мартин, одетый в грязную рясу, скривил физиономию в некоем подобии улыбки.

Светлого, радостного Майкла, внешне не похожего на сурового темноволосого Ника, все любили. Даже Перрилы ненавидели его не так люто, как остальных Хуков.

Братья Томас и Роберт Перрилы стояли здесь же – длинные, тощие, разболтанные в движениях. Их запавшие глаза, длинные носы и выступающие подбородки явно напоминали черты сэра Мартина. Из почтения к его знатности все в деревне делали вид, будто считают Томаса и Роберта сыновьями мельника, хотя обходиться с братьями предпочитали повежливее: понимали, что при малейшей угрозе они побегут к сэру Мартину за помощью.

А нынче Тому Перрилу не просто угрожали – его чуть не убили. Стрела с серым оперением теперь лежала на столе в господском зале. Лорд Слейтон указал на нее управляющему, и Уильям Сноболл подошел ближе.

– Не наша, мой господин, – заключил он, придирчиво оглядев стрелу.

– По оперению понял? – кивнул лорд Слейтон.

– Серые перья у здешних не в ходу, – нехотя подтвердил Сноболл, глянув исподлобья на Ника. – Ни для стрел, ни для чего другого.

Лорд Слейтон остановил взгляд на Хуке. Он знал правду, как и все присутствующие, кроме, может быть, доверчивого Майкла.

– Всыпать ему плетей, – предложил сэр Мартин.

Хук поднял глаза к гобелену, висящему под галереей: на гобелене охотник в набедренной повязке и шлеме пронзал копьем кабанье брюхо под взглядом женщины, слегка прикрытой клочком прозрачной ткани. Дубовые бревна, поддерживающие галерею, за сотню лет закоптились и почернели.

– Плетей, – повторил священник. – Или отрезать ему уши.

Ник Хук перевел взгляд на лорда Слейтона и в тысячный раз задался вопросом, не отец ли перед ним: то же крепко костное лицо, тяжелый лоб и крупный рот, те же черные волосы и глаза, тот же рост и то же сильное тело, хоть и покалеченное в давней битве, когда мятежный меч вонзился в спину. С тех пор его светлость передвигался на подбитых кожей костылях, прислоненных теперь к креслу.

Взгляд его светлости, устремленный на Хука, был непроницаем.

– Прекращайте вражду, – наконец веско проговорил лорд Слейтон, не сводя глаз с Ника. – Ясно? Никаких убийств! Умри кто-то из Перрилов – я убью и тебя, Хук, и твоего брата. Понял?

– Да, мой господин.

– А если умрет кто-то из Хуков, – его светлость перевел взгляд на Тома Перрилу, – то тебе с братцем висеть на крепком дубе.

– Да, мой господин, – откликнулся Перрил.

– Убийство нужно будет доказать! – вдруг негодуя заявил сэр Мартин. Когда ему случилось уйти в посторонние мысли и забыть об окружающих, то потом, очнувшись, он выпаливал слова внезапно и резко, будто наверстывая упущенное. – Доказать, доказать, – повторил он.

– Нет! – осадил шурина лорд Слейтон, стукнув по деревянному подлокотнику кресла. – Если из четверых умрет хоть один, я повешу остальных – всех! Если кто поскользнется и угодит

в мельничный проток – я сочту это убийством! Всем ясно? Я не потерплю вражду ни минутой дольше!

– Мы не будем убивать, мой господин, – послушно проговорил Том Перрил.

Лорд Слейтон перевел взгляд на Хука, ожидая такого же заверения, однако Ник промолчал.

– Отхлестать – может, станет послушнее? – предположил Сноболл.

– Будто его прежде не секли! – отмахнулся лорд Слейтон. – В последний раз... когда, Хук?

– На Михайлов день, господин.

– И что ты после этого понял?

– Что у мастера Сноболла слабеет рука, господин.

Услыхав подавленный смешок, Ник Хук поднял голову: за происходящим, укрывшись в тени галереи, наблюдала ее светлость. Сестра долговязого священника, плодившего незаконных отпрысков одного за другим, была бездетной. Хук знал, что леди Слейтон тайком приходила к его бабке за снадобьем, но бабкино знахарство так и не помогло.

Сноболл в ответ на дерзость Хука процедил проклятие, однако лорд Слейтон, не удержавшись, улыбнулся.

– Пошли прочь! – велел он. – Вон отсюда все, кроме Хука. Ты останься.

Леди Слейтон проводила мужчин взглядом и исчезла в комнатах за галереей. Ее муж какое-то время молча смотрел на Хука, затем указал на стрелу с серым оперением, лежащую на дубовом столе.

– Откуда стрела, Хук?

– В первый раз ее вижу, господин.

– Ты лжец, Хук. Лжец, вор, мерзавец и ублюдок и к тому же наверняка убийца. Сноболл прав: высечь бы тебя, чтоб до костей достало. Или просто повесить. Мир без Хуков был бы куда уютнее.

Хук не раскрыл рта, продолжая смотреть на лорда Слейтона. В камине треснуло полено, посыпались искры.

– И все же, черт тебя раздери, ты лучший стрелок, каких я знал, – нехотя договорил его светлость. – Дай сюда стрелу.

Хук взял с дубовой столешницы стрелу с серыми перьями и подал ее лорду Слейтону.

– Оперение отскочило в полете?

– Похоже на то, господин.

– Не умеешь делать стрелы, а, Хук?

– Делаю, но плохо. Не получается заузить древко как надо.

– Тебе нужен скобель получше, – заметил лорд Слейтон, проверяя оперение на прочность. – Так откуда стрела? От пришлых охотников?

– Один из таких стрелял вашу дичь, господин, – осторожно сказал Хук. – Я его убил на той неделе.

– Не твое дело их убивать, твое дело тащить их в усадьбу, а убивать буду я.

– Паршивец застрелил лань в Дроздовом лесу и хотел сбежать, – объяснил Хук. – Пришлось всадить ему стрелу в спину. Я его зарыл за Касселовой горой.

– Что за человек?

– Бродяга, мой господин. Наверное, куда-то пробирался. При нем ничего не было, только лук.

– Лук и стрелы с серым оперением, – процедил его светлость. – Твое счастье, что битюг уцелел. Иначе пришлось бы тебя повесить.

– Цезаря едва задело, – небрежно проговорил Хук. – Одна царапина на шкуре.

– Откуда тебе знать, если ты там не был?

– Слышал в деревне, мой господин.

– Я тоже кое-что слышал, Хук, – откликнулся лорд Слейтон. – Отстань наконец от Перрилов! Слышишь? Оставь их в покое!

Хук мало во что верил и все же умудрился вбить себе в голову, что проклятие, осложнявшее его жизнь, исчезнет только со смертью Перрилов. В чем оно состояло – он толком не знал: не считать же проклятием беспокойное чувство, будто жизнь не ограничивается лишь заботами поместья. Однако всякий раз, как он подумывал сбежать от лорда Слейтона, ему становилось не по себе, словно от ощущения невидимой и непостижимой беды – признака проклятия. Других способов избавиться от него, кроме как убийство, Хук не знал.

– Слушаюсь, мой господин.

– Слушаешь и повинуешься, – уточнил лорд Слейтон, выбрасывая стрелу в камин, где она через миг вспыхнула ярким пламенем.

«Хорошая стрела, зря пропадает», – мелькнуло в голове Хука.

– Сэр Мартин тебя не любит, – понизил голос лорд Слейтон и повел глазами в сторону галереи, словно спрашивая, там ли еще его жена. Хук в ответ едва заметно покачал головой. – Не догадываешься за что?

– Он мало кого любит, господин, – уклончиво ответил Хук.

Лорд Слейтон задержал на нем взгляд.

– А насчет Уильяма Сноболла ты прав. Он слабеет. Все мы старимся, Хук, и мне понадобится новый сентенар. Ты понимаешь, о чем я?

Сентенаром – сотником, главным над лучниками, – Уильям Сноболл был всегда, сколько Хук себя помнил. Совмещая эту службу с должностью управляющего поместьем, Сноболл нажил состояние больше, чем любой другой из людей лорда Слейтона.

– Понимаю, господин, – кивнув, пробормотал Хук.

– Сэр Мартин мечтает видеть новым сотником Тома Перрила. Однако он боится, что я назначу тебя, Хук. С чего ему так думать, я и понятия не имею. А ты?

Хук посмотрел в лицо его светлости, борясь с соблазном спросить, насколько близко тот знал его мать, но подавил искушение.

– Не знаю, господин, – вместо этого сдержанно проговорил он.

– Так что в Лондоне, Хук, будь осторожен. Сэр Мартин будет с вами.

– В Лондоне?..

– Я получил распоряжение отправить туда своих лучников. Ты бывал в Лондоне?

– Нет, господин.

– Теперь побываешь. Мне не сказано о цели: я посылаю лучников лишь потому, что так велел король. Может, он задумал воевать? Не знаю. Если и вправду грозит война – я не намерен ждать, пока мои люди друг друга прикончат. Бога ради, Хук, не добивайся, чтоб я тебя повесил.

– Я постараюсь, мой господин.

– Теперь иди. Скажи Сноболлу, пусть войдет. Ступай.

В январе по-прежнему стоял холод. После короткой рассветной метели низкое небо в тот день выглядело тяжелым и, несмотря на утренний час, по-вечернему сумрачным. Поверх тростниковых крыш лежал иней, а те немногие лужи, что еще не превратились в разбитое башмаками грязное месиво, покрывал тонкий ледок. Ник Хук – длинноногий, широкоплечий, темноволосый и хмурый – сидел у харчевни в компании семерых сослуживцев, включавшей его брата и обоих Перрилов. На нем были высокие, по колено, сапоги со шпорами, две пары штанов для тепла, подбитая шерстью кожаная куртка и короткий льняной налатник с изображением золотого полумесяца и трех золотых звезд – гербовых символов лорда Слейтона. У всех восьмерых бойцов поверх одинаковых налатников – грязных и потертых, так что прохо-

жему пришлось бы вглядываться, чтобы различить полумесяц со звездами, – висели на поясе кошель, длинный кинжал и меч.

Прохожие, впрочем, не вглядывались: с вооруженными людьми в гербовых налатниках хлопот не оберешься, а уж тем более со стрелками. Пусть при них нет луков, но с первого взгляда на широкие плечи становится ясно, что каждый из таких оттянет тетиву боевого лука на добрый ярд и не поморщится.

Лучников в Лондоне боялись, и этот страх, едкий, как вонь нечистот, и стойкий, как запах древесного дыма, пропитывал собой все улицы, заставляя обывателей накрепко запирать двери. Даже попрошайки куда-то подевались, а немногие смельчаки, отваживающиеся выйти из дому – их-то рассказы и породили страх, – норовили прошмыгнуть мимо стрелков по дальнему краю дороги.

– Господи ты боже мой, – длинно выдохнул Ник Хук, нарушая общее молчание.

– Хочешь молиться – иди в церковь, выродок, – огрызнулся Том Перрил.

– Сначала нагажу твоей матери на голову, – буркнул Хук.

– Заткнитесь оба, – вмешался Уильям Сноболл.

– Чего мы тут высиживаем? – проворчал Хук. – Сдался нам этот Лондон!

– Сидишь себе – ну и сиди, не ной, – осадил его Сноболл.

Харчевня стояла на углу тесной улочки, выходившей на торговую площадь. Вывеска гостиницы – резное раскрашенное изображение быка – свисала с мощного бруса, отходящего от фронтона здания и опирающегося на крепкую стойку, врытую в землю посреди площади. Вокруг площади тут и там виднелись лучники в гербовой одежде, прибывшие в Лондон по приказу своих господ. Самих господ, впрочем, здесь никто не видел. Два священника, тащившие по охалке пергаментных свитков, пробирались по дальней стороне улочки, косясь на лучников. Где-то в городе ударил колокол. Том Перрил сплюнул, и один из священников чуть не споткнулся.

– Господи, чего ж мы тут торчим-то? – простонал Роберт Перрил.

– Господь не скажет, – процедил Сноболл. – Хотя, говорят, наше дело Ему явно угодно.

Богоугодное дело состояло в том, чтобы охранять угол между улицей и рыночной площадью, преграждая путь в обе стороны и женщинам, и мужчинам. Приказ не относился к священникам, конным рыцарям и знати – только к простому люду, а простому люду и без того хватало ума сидеть по домам. Какие-то оборванцы тащили на площадь семь ручных повозок с дровами, бочками, камнями и длинными бревнами, но так как оборванцев сопровождали конные латники в накидках с королевским гербом, то стрелки даже не дернулись их окликнуть.

Дородная девка с изрытой оспой физиономией вынесла лучникам пива из харчевни и разлила по кружкам, с тем же безразличным видом застыв на месте, когда Сноболл полез ей под юбки. Дождавшись, пока он выпростает руку, она протянула ему ладонь.

– Нет уж, милашка, – ухмыльнулся тот. – Я сделал тебе одолжение, так что причитается не с меня, а с тебя.

Девка повернулась и ушла. Майкл, младший брат Хука, старался не отрывать глаз от столешницы. Глядя на его смущение, Том Перрил ухмыльнулся, но промолчал: задирать добродушного Майкла, который никогда не обижался, было бессмысленно.

Королевские латники остановили повозки в центре площади и теперь стоймя укрепляли два высоких столба в двух бочках, набитых камнями и щебнем. Кто-то из латников, проверяя столб на прочность, налег на него всем телом. Столб устоял – работа, видимо, была сделана на совесть. Латник спрыгнул на землю, и оборванцы-рабочие принялись раскладывать вокруг бочек вязанки дров.

– Королевские дрова горят ярче, – ухмыльнулся Сноболл.

– Правда? – тут же откликнулся Майкл, который верил любому слову.

Никто из лучников ему не ответил.

– Наконец-то, – проговорил вместо этого Том Перрил.

И Хук увидел на дальнем краю площади небольшую толпу, появившуюся из церкви: обычного вида люди, почему-то окруженные солдатами, монахами и клириками. Один из священников направился к «Быку» – харчевне, у которой сидели лучники.

– А вот и сэр Мартин, – объявил Сноболл, будто остальные могли его не узнать.

Хука при виде священника передернуло от ненависти. Тощий, как угорь, тот приближался размашистой походкой, на ходу склабаясь все шире и не отрывая от стрелков по-всегдашнему назойливого взгляда странных глаз, которые, как говаривали, смотрели прямоком в мир иной; правда, в рай или в ад – тут мнения расходились. Хукова бабка на этот счет была категорична. «На нем след зубов преисподнего пса, – повторяла она. – Родись он простолюдином, его бы уже повесили».

Лучники нехотя поднялись с места, приветствуя священника.

– Ну что, готовы творить Божье дело? – заговорил, подходя, сэр Мартин. Его черные волосы поседели на висках и поредели на макушке, недельная седая щетина покрывала длинный подбородок, словно иней. – Нужна лестница, за веревками уже пошел сэр Эдвард. Дворяństwo на побегушках – залюбуешься, а? Найдите где-нибудь длинную лестницу.

– Лестницу? – переспросил Уильям Сноболл так, будто впервые слышал о такой диковине.

– Длинную, чтоб достала до перекладины. – Сэр Мартин дернул головой в сторону бруса, на котором болталась вывеска с быком. – Длинную, – вновь повторил он с отсутствующим видом, словно уже забыл, что здесь делает.

– Поищите лестницу, – велел Уилл Сноболл двоим лучникам. – Длинную.

– Короткие слишком коротки для Божьей справедливости. – Сэр Мартин, вновь оживившись, потер тощие ладони и взглянул на Хука. – Что-то ты бледен, Хук. Заболел? – спросил он с радостной надеждой, словно Ник Хук собирался помереть прямо у него на глазах.

– Пиво тут подозрительное, – ответил Хук.

– Это потому, что пятница, – сообщил священник. – В постный день надо воздерживаться от пива. Твой покровитель, святой Николай, по средам и пятницам отказывался от материнской груди – учись, Хук! Не положено тебе удовольствий в постные дни: ни пива, ни забав, ни грудей – и так будет всегда. А почему, Хук, почему? – Длинное лицо сэра Мартина перекосила злорадная усмешка. – Потому что ты вскормлен от отвислых грудей порока! И детей ее не помилую, говорит Писание, ибо блудодействовала мать их!

Том Перрил хихикнул.

– Какие будут распоряжения, святой отец? – устало спросил Уилл Сноболл.

– Творить Божье дело, мастер Сноболл, святое Божье дело. Ступайте.

Лестницу нашли как раз к тому времени, когда на площади появился сэр Эдвард Дервент, удерживая на широких плечах четыре мотка веревки. Сэр Эдвард, сильный и коренастый, был латником и носил накидку с полумесяцем и звездами, как у стрелков, только почище и поярче. Лицо его было изуродовано в битве при Шрусбери, когда ударом алебарды ему раскроили шлем, проломил скулу и отсекали ухо.

– С колоколов сняли, – объяснил он, сваливая на землю тяжелые петли веревок. – Вяжите их к перекладине, я не полезу.

Сэр Эдвард командовал латниками лорда Слейтона, и уважали его не меньше, чем боялись.

– Хук, давай ты! – велел сэр Эдвард.

Хук, взобравшись на лестницу, стал привязывать к брусу колокольные канаты тем же узлом, каким привык крепить пеньковый шнур вокруг зарубок на концах лука. В отличие от шнура, толстые канаты поддавались с трудом. Закончив, Хук соскользнул вниз по последней привязанной веревке, показывая, что узлы закреплены надежно.

– Скорей бы уж все закончилось, – раздраженно бросил сэр Эдвард. – Надоело тут торчать. Чье пиво?

– Мое, сэр Эдвард, – отозвался Роберт Перрил.

– Будет мое, – кивнул сэр Эдвард, опрокидывая в себя кружку.

Под его гербовым налатником виднелись кожаная куртка и кольчуга. На поясе висел меч без единого украшения – простой клинок и обычная стальная рукоять с двумя ореховыми накладками поверх хвостовика: меч сэр Эдвард считал орудием ремесла, потому так буднично и зарубил им тогда мятежника, снесшего ему алебардой пол-лица.

Теснимая солдатами и священниками толпа – чуть больше полусотни мужчин и женщин, молодых и старых, – уже застыла посреди площади. Кое-кто, упав на колени, молился.

– Всех не сжечь, – с сожалением произнес сэр Мартин, – слишком многих придется тащить в ад на веревке.

– Коль они еретики, надо жечь всех, – буркнул сэр Эдвард.

Священник досадливо скривился:

– Будь на то Господня воля, Он бы дал нам дров в изобилии.

Начали появляться зеваки. Городом по-прежнему владел страх, однако обыватели как-то почуяли, что главная опасность уже позади, и стали подтягиваться к рыночной площади. Сэр Мартин велел лучникам их пропускать:

– Пусть видят, им полезно.

Обыватели глядели мрачно и, несмотря на проповеди монахов и священников в оправдание готовящегося действия, явно сочувствовали осужденным. Те, по словам проповедников, выходили врагами Христа и дурными плеবেлами посреди чистой пшеницы: теперь, мол, отвергнув предложенную им благодать покаяния, они сами выбрали вечный удел, к которому им и предстоит перейти.

– Кто они есть-то? – не выдержал Хук.

– Лолларды, – ответил сэр Эдвард.

– Что за лолларды?

– Еретики, неумытая твоя морда, – с удовольствием встрял Сноболл. – Собирались бунтовать против нашего милостивого короля, а теперь пойдут напрямик в ад.

– На бунтовщиков вроде не похожи, – заметил Хук.

Среди приговоренных были в основном пожилые и даже старики, много совсем юных, здесь же девушки и женщины.

– А ты на вид не смотри, – заявил Сноболл. – Еретики – они и есть еретики, чтоб им содохнуть.

– Такова Божья воля! – рявкнул сэр Мартин.

– А почему они еретики? – не отставал Хук.

– Что-то мы сегодня любопытны, – прорычал сэр Мартин.

– Мне тоже интересно, – поддержал брата Майкл.

– Потому что Церковь так решила! – огрызнулся сэр Мартин, но тут же опомнился и сменил тон. – Веруешь ли ты, Майкл Хук, что гостия, возносимая мной во время мессы, непостижимо пресуществляется в святое и возлюбленное тело Господа нашего Иисуса Христа?

– Конечно, святой отец!

– Ну вот, а эти не верят. – Священник дернул головой в сторону лоллардов, преклонивших колени на грязной площади. – Считают, что хлеб остается хлебом. Дерьмоголовые мерзавцы. А веруешь ли ты, что святейший наш папа есть наместник Господа на земле?

– Да, святой отец, – ответил Майкл.

– Слава богу, а то пришлось бы тебя повесить.

– А я думал, пап двое, – вставил Сноболл.

Сэр Мартин предпочел не слышать.

– Ты когда-нибудь видел, как жгут грешников? – спросил он Майкла.

– Нет, святой отец.

Сэр Мартин плотоядно осклабился:

– Они вопят, юный Хук, вопят, как кабан при холощении! Еще как вопят! – Он вдруг обернулся и ткнул длинным костистым пальцем в грудь Нику. – И ты, Николас Хук, должен внимать тем воплям, ибо они суть литургия преисподней! А тебе туда и дорога!

Священник вдруг широко раскинул руки и закружился на месте, напомнив Хуку огромную чернокрылую птицу.

– Остерегайтесь ада, парни! – упоенно провозгласил он. – Остерегайтесь ада! Никаких грудей по средам и пятницам! И всякий день творить Божье дело со тщанием!

По всем концам площади с таких же, как у «Быка», перекадин спустили еще веревки, и солдаты, разделив толпу на группы, подогнали жертв к импровизированным виселицам. Мужчина из приговоренных еще кричал напоследок своим, что надо уповать на Бога и что они нынче же встретятся в раю, – но королевский стражник, ударив его кулаком в латной перчатке, сломал ему челюсть, и крик смолк. Мужчина оказался из тех двоих, кого вели сжигать, и Хук, стоя в стороне от прочих, наблюдал, как осужденного подняли на бочку со щепом и привязали к шесту, набросав побольше хвороста к ногам.

– Очнись, Хук, чего задумался? – пробурчал Сноболл.

Происходящему радовались не многие, зрители по большей части глядели мрачно и предпочитали не замечать проповедей священников и хвалебных песнопений монахов в коричневых рясах.

– Поднимай старика к петле, – велел Хуку Сноболл. – Нам десятерых вешать, шевелись!

Ручную повозку из тех, в которых везли на площадь дрова, подкатили под перекадину. Сверху повозки уже стояли трое мужчин, Хуку предстояло поднять туда четвертого, остальные приговоренные – четверо мужчин и две женщины – ждали. Одна из женщин льнула к мужу, вторая, отвернувшись, молилась на коленях.

Старик годился Хуку в деды.

– Я прощаю тебя, сынок, – проговорил он, пока Хук набрасывал ему петлю на шею. – Ты ведь лучник, да? – (Хук, затягивая потуже петлю, молчал.) – Я сражался на Хомилдонском холме, – продолжал лоллард, переводя взгляд на сизые тучи, – мой лук тогда славно поработал к чести короля. Я слал в шотландцев стрелу за стрелой, крепко натягивал и разом отпускал. Да простит меня Господь, тем днем я горжусь. – Он посмотрел Хуку в глаза. – Я был лучником.

Хук мало чем в жизни дорожил, не зная иных привязанностей, кроме любви к брату и мимолетного влечения к тем девчонкам, что побывали в его руках, однако к лучникам он относился особо. Лучники были его кумирами. Англию – в этом он не сомневался – хранили от врагов не рыцари в сияющих латах, восседающие на крытых узорными попонами конях, а лучники – простые труженики, способные послать стрелу на двести шагов так, что она угодит в мишень размером с ладонь.

Поэтому, глянув в глаза старику, Хук увидел в них не пламя ереси, а гордость и силу лучника – такого же, как он сам. В душе его всколыхнулось уважение, и руки опустились сами собой.

– Ничего не поделаешь, сынок, – тихо произнес старик. – Я бился за старого короля, а теперь его сын хочет моей смерти. Затягивай веревку, парень. Лишь не откажи в просьбе, когда я уйду.

Хук коротко кивнул – то ли в знак того, что слова услышаны, то ли в подтверждение готовности исполнить уговор.

– Девушка на коленях молится, видишь? – продолжал старик. – То Сара, моя внучка. Уведи ее отсюда, ради меня. Она пока не заслужила рая, поэтому уведи. Ты молод, сынок, тебе достанет сил. Ради меня.

«Каким образом?» – пронеслось в мозгу у Хука. Он рванул проклятый конец веревки, затягивая петлю вокруг старческой шеи, и прыгнул с повозки, чуть не растянувшись в грязи. Сноболл и Роберт Перрил, вязавшие остальные петли, уже стояли рядом.

– Простонародье, – разглагольствовал тем временем сэр Мартин. – Простонародье, а все туда же: думают, будто знают больше, чем сама Матерь-Церковь. Пора их проучить, чтоб остальная чернь зареклась впадать в ересь. Будьте безжалостны, ибо мы вершим Божье милосердие, безмерное Божье милосердие!

Безмерное милосердие состояло в том, чтобы резко выдернуть повозку из-под ног четверых осужденных, заставив тела дернуться и завертеться на весу. Хук не отводил взгляда от старика – широкоплечего, как всякий лучник. Старик задыхался и бился, ноги его то сгибались, то повисали, но даже в смертной агонии он не сводил с Хука наливающихся кровью глаз, словно ожидая, что тот выхватит его Сару прямо с площади.

– Ждать, пока сами сдохнут, или за ноги потянуть? – осведомился Уилл Сноболл у сэра Эдварда.

Сэр Эдвард словно не слышал. Он рассеянно глядел в сторону ближайшей бочки с шестом, где лолларду с проломленной челюстью что-то втолковывал священник. Рядом наготове стоял латник с горящим факелом в руках.

– Стало быть, пусть болтаются, сэр, – решил Сноболл и вновь не получил ответа.

– Боже! – Сэр Мартин словно проснулся, голос его зазвучал так же елебно, как в приходской церкви во время мессы. – Боже милостивый, какая куколка!

Священник не сводил глаз с Сары – та, поднявшись с колен, с ужасом глядела на корчащееся в судорогах тело деда.

Николас Хук не раз задумывался, как выглядят ангелы. Фреска на стене деревенской церкви, изображавшая ангелов, давно попортилась: вместо лиц остались пустые пятна, одежды и крылья пожелтели и пошли полосами от влаги, сочащейся сквозь штукатурку, – и все же ангелы для Хука были существами неземной красоты. Их крылья похожи на журавлиные, не иначе, только длиннее и шире, и каждое перо сияет как солнечный луч, падающий сквозь рассветную дымку; волосы отливают золотом, а длинные одежды сотканы из чистейшего, белоснежного льна. Хук знал, что ангелы – неземные создания, и все же в мечтах он видел их как прекрасных дев, способных поразить воображение юноши: сама красота на сияющих крыльях – вот что были для него ангелы.

И внучка старика-лолларда была прекрасна, как они. Пусть без крыльев, пусть в заляпанной грязью рубахе и с застывшим от ужаса лицом при виде смерти и в предчувствии ее – и все же она была удивительно хороша: голубоглазая, светловолосая, с нежно очерченными скулами и чистой, без единого следа оспы, кожей. Дева, способная поразить воображение юноши. Впрочем, и священника тоже.

– Видишь калитку, Майкл Хук? – не мешкая приступил к делу сэр Мартин. Братья Перрилы, наиболее пригодные для такого поручения, стояли слишком далеко, и он выбрал ближайшего лучника. – Бери девчонку и уводи через калитку вон в ту конюшню.

Младший брат Ника выглядел озадаченным.

– Взять девчонку?..

– Да не брать! Где уж тебе, тупорожий идиот! Уведи девчонку в конюшню, что при харчевне! Я уединюсь с ней для молитвы.

– А! Вы хотите помолиться! – улыбнулся Майкл.

– Помолиться, святой отец? – переспросил с ехидной ухмылкой Сноболл.

– Если она покается, ей можно оставить жизнь, – благочестивым тоном протянул сэр Мартин. Хук видел, что священника чуть не трясет, и явно не от холода. Взгляд сэра Мартина метнулся от девушки к Сноболлу. – Господь, неизъяснимый в Своей любви и милосердии, такое допускает, так отчего нам не привести ее к покаянию? Сэр Эдвард!

– Что, святой отец?

– Я уединюсь с девчонкой для молитвы!

Сэр Эдвард не ответил. Он все еще смотрел на незажженные дрова у ног лоллардского предводителя, который, не слушая увещаний ближайшего клирика, неотрывно глядел в небо.

– Забирай девчонку, Майкл Хук! – приказал сэр Мартин.

Ник смотрел, как брат – почти не уступающий силой ему самому – берет девушку за локоть так простодушно и бережно, что она даже не подумала отпрянуть.

– Пойдем, детка, святой отец хочет с тобой помолиться. Тебе не сделают плохого.

Сноболл хихикнул, видя, как Майкл повел девушку к калитке и дальше в конюшню. Ник Хук шел следом, убеждая себя, что приглядывает за братом, а на деле не в силах выбросить из головы предсмертные слова старого лучника. Среди стойл было холодно и пыльно, пахло соломой и навозом. Едва войдя, Ник взглянул на окно под самой крышей – и вдруг у него в голове раздался голос. Ниоткуда. Сам по себе.

– Уведи ее, – произнес голос, мужской, незнакомый. – Уведи – и заслужишь рай.

– Рай? – повторил Ник вслух.

– Ник, ты что? – обернулся к нему Майкл, все еще поддерживая девушку под локоть.

Хук не отрывал глаз от светлого окна в вышине.

– Спаси девушку, – произнес голос.

В конюшне, кроме братьев и Сары, никого не было, но голос слышался явственно. Хука затрясло. Спасти девушку – как? Увести – как?.. Раньше с ним такого не бывало: он жил в уверенности, что проклят и ненавидим даже собственным святым, а сейчас его озарило: спаси он девушку – и Господь его возлюбит, простив все, чем он прогневал святого Николая! Спасение было где-то там, за высоким окном, – оттуда Хука звала новая жизнь, жизнь без проклятия, и все же он не знал, как к ней подступиться.

– Господи помилуй, ты-то зачем приперся? – рявкнул на него сэр Мартин.

Хук не ответил, по-прежнему глядя в облака за окном. Чей же голос он слышал?

Хуков жеребец вскинулся и ударил копытом землю. Сэр Мартин, оттолкнув Ника, при виде девушки расплылся в ухмылке.

– А вот и мы, юная леди, – хрипло бросил он и тут же обернулся к Майклу. – Раздень ее!

– Раздеть?.. – нахмурился Майкл.

– Она должна предстать пред Богом обнаженной, – назидательно произнес сэр Мартин. – Дабы наш Господь и Спаситель судил ее подлинную сущность. Нагота истинна, Писание так и говорит: истина в наготе.

Писание, разумеется, ничего подобного не говорило, однако сэру Мартину никогда не составляло труда выдумать цитату к случаю.

– Но... – Как бы ни был Майкл недогадлив, неуместность происходящего бросалась в глаза даже ему.

– Делай что велено! – рявкнул священник.

– Так нельзя! – упрямо заявил Майкл.

– Да пропади ты пропадом! – Сэр Мартин отпихнул Майкла и схватил девушку за ворот рубахи.

Сара, отчаянно вскрикнув, попыталась отступить. Майкл в ужасе застыл, однако Ник Хук, в голове которого все еще отдавался эхом таинственный голос, метнулся вперед и всадил кулак в живот сэру Мартину. Священник согнулся пополам, крикнув не то от боли, не то от удивления.

– Ник! – только и вымолвил Майкл в ужасе.

Хук взял девушку за локоть и повернул к дальней стене с окном.

– На помощь! – заорал сэр Мартин севшим от боли голосом. – Сюда!

Хук обернулся было, чтобы его заткнуть, но Майкл шагнул между ним и священником – и тут влетели братья Перрилы.

– Он меня ударил! – прохрипел сэр Мартин чуть не изумленно.

Том Перрил ухмыльнулся, хотя младшего, Роберта, зрелище смутило так же, как и Майкла.

– Взять его! – прохрипел священник, выпрямляясь; ему явно не хватало воздуха, лицо перекошилось от боли. – Вытащите наружу и держите.

Хук позволил вывести себя в конюшенный двор, Майкл вышел следом и сокрушенно застыл, глядя на тела повешенных, болтающиеся под зябким косым дождем.

Ника вдруг охватило бессилие. Он ударил священника – высокородного священника, родню самого лорда Слейтона!.. Братья Перрилы скалили зубы и изошрялись в издевке, но Хук не обращал внимания – он слышал только треск разрываемой рубахи и заглушенный женский вопль, потом зашелестела солома, раздалось хрюканье сэра Мартина, донесся стон Сары. Ник Хук смотрел на низкие облака и густой древесный дым, накрывающий город плотнее любой тучи, и не мог отделаться от мысли, что предал Божью волю. Всю жизнь ему твердили, что он проклят, а когда на площади, где царит смерть, Бог потребовал от него единственного поступка – он не сумел ничего сделать.

С площади долетел странный звук, будто слитный вдох огромной толпы. Ник понял, что там зажгли первый костер, и устрасился: ему, не спасшему голубоглазого ангела от черной похоти священника, тоже наверняка не миновать адских мук. Впрочем, как знать: девушка ведь еретичка, и если голос требовал ее спасти – не дьявольское ли то было наущение...

Из конюшни теперь доносились судорожные всхлипы Сары, потом они сменились рыданиями, и Хук, подняв голову, подставил лицо ветру и хлестким струям дождя.

Сэр Мартин, склабясь, как сытая крыса, вышел из конюшни, выдергивая из-за пояса складки подоткнутой рясы.

– Ну вот и все, чего долго возиться. Том, хочешь девку? – глянул он на старшего Перрила. – Нужна – забирай, лакомая штучка. Только перережь ей горло, как управишься.

– Вешать не надо? – деловито осведомился Том Перрил.

– Просто прикончи, и все, – отмахнулся священник. – Я бы и сам, но Церкви не пристало убивать людей, она лишь вручает их мирской власти – тебе, Том. Так что попользуешься еретичкой – перережь ей глотку. Роберт, держи Хука. А ты, Майкл, ступай прочь, нечего тебе здесь делать.

Майкл нерешительно застыл на месте.

– Уходи, – устало кивнул брату Ник Хук. – Ступай.

Роберт Перрил схватил Ника за локти, и, хотя тому стоило лишь двинуть плечом, он даже не дернулся, все еще в оторопи от неведомого голоса и от собственной глупости: ударить самого сэра Мартина! Уж проще было затянуть себе петлю на шее!.. Священник, впрочем, жаждал для Хука наказания похлеще, чем просто смерть, и теперь принялся остервенело его избивать. Силой сэр Мартин явно уступал любому лучнику, зато злобы в нем было хоть отбавляй, и он с наслаждением лупил Хука острыми костяшками пальцев, метя в лицо и норовя попасть по глазам.

– Выродок, сучье дерьмо! – визжал он. – Считаю, что ты покойник! Станешь у меня таким же! – Он мотнул головой в сторону ближайшего шеста, где серые дымные клубы от огненных языков, пляшущих у подножия, почти скрыли выгнутое тугим луком тело. – Ублюдок, и мать у тебя шлюха, и сам ты сучье отродье!

Среди клубов дыма взметнулся огненный столб, и над площадью разнесся крик, как рев кабана на бойне.

– Что тут творится, дьявол вас раздери? – Посреди конюшенного двора стоял сэр Эдвард, явившийся не иначе как на вопли сэра Мартина.

Священнику удалось лишь рассечь Нику губу и пустить кровь из носа. Теперь сэра Мартина трясло, в его широко раскрытых глазах, горевших злобой и ненавистью, Хук разглядел искру дьявольского безумия.

– Хук меня ударил, казнить его!

Сэр Эдвард перевел взгляд с рычащего священника на окровавленное лицо Ника.

– Как прикажет лорд Слейтон.

– Что он еще прикажет, кроме как повесить? – огрызнулся священник.

– Ты ударил сэра Мартина? – спросил Хука сэр Эдвард.

Ник только кивнул. Кто все-таки говорил с ним в конюшне – Бог или дьявол?..

– Ударил! – рывкнул сэр Мартин. Внезапно подскочив, он рванул Хуков налатник и разодрал его пополам, ровно между луной и звездами. – Этот герб не для него! – Он швырнул накидку в грязь и обернулся к Роберту Перрилу. – Найди веревку или тетиву, связать ему руки. И отбери меч!

– Меч я возьму, Перрил. Оставь Хука мне, – приказал сэр Эдвард, вытягивая из ножен Хука меч, принадлежащий лорду Слейтону. Доведя Хука до выхода со двора, он спросил: – Что стряслось?

– Он изнасиловал девушку, сэр Эдвард!

– Подумаешь, – нетерпеливо отмахнулся тот. – Преподобный сэр Мартин только этим и занимается.

– А еще со мной говорил Бог, – выпалил Хук.

– Что? – Сэр Эдвард уставился на Хука, словно тот объявил, что вместо неба теперь сыворотка.

– Со мной говорил Бог, – повторил Ник с несчастным видом. Вышло жалко и неубедительно.

Сэр Эдвард не ответил. Он задержал взгляд на Хуке, затем обернулся к рыночной площади. Еретик в костре уже не кричал – тело, перегнувшись, свесилось вперед, тут же вспыхнули волосы. Державшие туловище веревки наконец перегорели, и тело сгустком огня рухнуло вниз. Двое латников, орудуя вилами, принялись заталкивать горящий труп глубже в костер.

– Я слышал голос, – упрямо повторил Хук.

Сэр Эдвард небрежно кивнул, словно давая понять, что слова услышаны и повторять не нужно.

– Где твой лук? – неожиданно спросил он, не отрывая глаз от дымного облака, окутавшего горящую фигуру.

– В задней комнате харчевни, сэр Эдвард.

Сэр Эдвард глянул на ворота харчевни – там как раз появился ухмыляющийся Том Перрил, вытирая окровавленную руку.

– Я приказываю тебе вернуться в заднюю комнату и ждать, – тихо произнес сэр Эдвард. – Ждать, пока тебе свяжут руки, привезут домой и отдадут под суд, а потом повесят на дубе рядом с кузницей.

– Слушаюсь, сэр Эдвард, – отозвался Хук с угрюмой покорностью.

– А чего я тебе не приказываю, – продолжал латник все тем же тихим голосом, но явно настойчивее, – так это уходить из харчевни через главный вход. Не пробирайся в центральную часть Лондона, не находи там улицу, называемую Чипсайд, не отыскивай на ней постоянный двор «Две цапли». А в «Двух цаплях» не спрашивай о человеке по имени Генри из Кале. Слышишь, Хук?

– Да, сэр Эдвард.

– Генри из Кале набирает лучников, – пояснил сэр Эдвард, глядя, как человек в одежде с королевским гербом подтаскивает горящее бревно к столбу, где привязали второго предводителя лоллардов. – В Пикардию. За хорошие деньги.

– В Пикардию, – механически повторил Хук. Наверное, какой-нибудь мелкий английский городишко...

– Заработаешь там денег, пригодятся.

Хук, помедлив, осторожно спросил:

– Теперь я преступник вне закона?

– Ты покойник, Хук, а покойникам закон не писан. Ты все равно что труп. Я ведь приказал тебе остаться в таверне и ждать суда, а у лорда Слейтона на суде не будет выбора, кроме как вздернуть тебя на ближайшем дубе. Поэтому ступай и делай что говорят.

Прежде чем Хук успел ответить, от ближайшего угла раздался внезапный окрик:

– Шапки долой! Шапки долой!

Тут же послышался топот копыт, из проулка вынеслись всадники. Горячие кони рассыпались веером по площади и, резко осаженные, вздыбились и встали. Из ноздрей валил пар, копыта месили грязь. Мужчины и женщины, застигнутые на площади, стягивали с головы шапки и падали на колени.

– На колени, парень, – велел Хуку сэр Эдвард.

Среди всадников выделялся один – молодой, чуть старше Хука, с узким длинноносом лицом, излучающим спокойную уверенность. Темные глаза, тонкие суровые губы, тщательно выбритые – чуть ли не содранные лезвием – щеки. Вороной конь богато убран блестящей черной кожей и серебром. На всаднике черные штаны и сапоги, черная бархатная шляпа с щегольским черным пером и подбитый овечьей шерстью темно-пурпурный плащ поверх черного камзола, на боку меч в черных ножнах. Всадник обвел холодным взглядом площадь и пустил коня к ближайшей виселице рядом с «Быком», где на колокольных канатах болтались тела женщины и четверых мужчин. Порыв ветра бросил в жеребца клуб искристого дыма, конь заржал и прынул в сторону, молодой человек успокаивающе похлопал его по шее рукой в черной перчатке, на которой Хук разглядел богатые перстни с камнями.

– Предлагали ли им покаяться? – требовательно спросил всадник.

– Многократно, мой государь, – елеин молвил сэр Мартин, который при появлении кавалькады выскочил из харчевни и теперь кротко преклонил колено перед властным всадником. Священник осенил себя крестным знаменем; его тощая физиономия казалась чуть ли не ангельской, изображающей истинное радение за Христа. Как и всегда, когда сэру Мартину случалось выказывать себя святошей, дьявольский огонь в его глазах вдруг сменился выражением боли, чуткости и безмерного сострадания.

– Значит, их смерть угодна Богу и мне, – твердо произнес всадник. – Я освобожу Англию от ереси!

Взгляд его карих глаз, умных и проницательных, на миг задержался на Хуке – тот сразу же устоял в грязь под ногами; затем черный всадник отъехал ко второму костру, только что зажженному. Прежде чем опустить глаза, Хук успел заметить на узком лице шрам – боевой шрам от стрелы, угодившей между носом и глазом. Такой выстрел должен был стать смертельным, однако Господь для чего-то оставил этого человека в живых.

– Знаешь, кто это, Хук? – шепнул сэр Эдвард.

Знать было неоткуда, но догадаться ничего не стоило: перед Хуком впервые в жизни предстал граф Честерский, герцог Аквитанский и правитель Ирландии – Генрих, милостью Божьей король Англии.

А по мнению тех, кто притязал на знание путаных теней монаршего родословия, – еще и король Франции.

Языки огня коснулись второго предводителя еретиков, тот закричал. Король Англии, пятый по имени Генрих, спокойно наблюдал, как душа лолларда отправляется к чертям.

– Ступай, Хук, – тихо велел сэр Эдвард.

– Почему?..

– Потому что лорд Слейтон не хочет твоей смерти. Ты, вероятно, слышал Божий глас, а нам как никогда нужна Его милость. Особенно сегодня. Так что не медли.

И Николас Хук, лучник и законопреступник, двинулся в путь.

Часть первая

Святой Криспин и святой Криспиниан

Глава первая

Река Эна медленно вилась по широкой равнине, окруженной невысокими лесистыми холмами. Стояла весна, всюду буйствовала яркая молодая зелень. Длинные гибкие водоросли колыхались в воде там, где река сворачивала к Суассону.

Город состоял из стен, собора и замка – он служил крепостью для охраны Фландрской дороги, ведущей из Парижа на север. Теперь его заняли враги Франции. Одежду крепостной стражи украшал червлёный крест Бургундии, над замком развевался пестрый флаг бургундского герцога – лев в малом щите посреди золотых королевских лилий и бургундских полос.

Лев воевал с французскими лилиями, но Николас Хук в этом не разбирался.

– Не понимаешь – и ладно, тебе-то что, – отмахнулся от него Генри из Кале еще в Лондоне. – Французы дерутся между собой, и одни нам платят за то, чтоб мы били других. Мое дело – набрать лучников и послать на войну. А твое дело – убивать кого там скажут. Стрелять можешь?

– Могу.

– Поглядим.

Стрелять Ник Хук умел, потому-то и стоял теперь на крепостной стене Суассона под флагом со всеми его полосами и лилиями. Он понятия не имел, где лежит Бургундия, он знал только, что ею правит герцог по имени Иоанн Бесстрашный, который приходится кузеном королю Франции.

– Король у французов помешанный, – говорил в Англии Генри из Кале, – шальной, что твой полоумный хорек. Примерешилось ему, будто он из стекла. Сидит теперь и дрожит: а ну как толкнут и разобьют в осколки? Репа у него вместо башки, куда ему воевать против герцога – у того-то голова на месте.

– А за что воюют? – спросил Хук.

– Я-то почему знаю? Мое, что ли, дело? Мне главное – чтоб денежки от банкиров герцог получал вовремя. Держи. – Он бросил на стол харчевни кошель с серебром.

В то лондонское утро на Госпитальном поле за Епископскими воротами Хук выпустил шестнадцать стрел в соломенный мешок, болтающийся на сухом дереве за полторы сотни шагов. Стрелял он быстро – едва успеть досчитать до пяти между стрелами – и дюжину всадил точно в цель, остальные четыре заделали мешок по краям.

– Сгодишься, – проворчал тогда Генри из Кале.

Серебро Хук спустил еще в Лондоне. Вдали от дома, без единого знакомого лица рядом, он чувствовал себя потерянным и не задумываясь тратил монеты на пиво и шлюх, а за остаток купил сапоги, развалившиеся задолго до Суассона. Море он видел впервые и едва верил своим глазам, а когда позже силился его припомнить, то представлял себе озеро, только бескрайнее и бурное, несравнимое с прежде виденными водами.

Хука и дюжину других стрелков встретили в Кале двенадцать латников в накидках с бургундским гербом. Королевские стражники в Лондоне носили одежду с такими же лилиями, и Хук подумал, что здешние латники – англичане. Однако язык их оказался не понятен ни Хуку, ни его товарищам.

До Суассона добирались пешком: денег на коней, о которых каждый лучник мечтал в Англии, ни у кого не было. Путь сопровождали две конные повозки, нагруженные запасными луками и толстыми пучками стрел.

Компания подобралась странная – старики, хромые, большинство пьянчуги.

– Собираю самых подонков, – поведал Хуку Генри из Кале еще в Лондоне. – А ты-то выглядишь молодцом, парень. Что натворил?

– Натворил?

– Ну, ты же здесь! Значит, преступник?

– Кажется, – кивнул Хук.

– Кажется? Тут уж либо да, либо нет. Что натворил?

– Ударил священника.

– Да-а? – Угрюмый лысый здоровяк Генри даже слегка удивился, затем пожал плечами. – С Церковью нынче не шутят, парень. Эти вóроны в рясах жгут всех подряд, и король тоже. Молод, да крут наш Генрих. Видел его?

– Однажды.

– Заметил на лице шрам от стрелы? Ударила в щеку и не убила! Видать, он тогда и решил, что Бог ему лучший друг и Божьих врагов надо жечь... Ну да ладно, завтра поможешь забрать стрелы из Тауэра, а потом тебе на корабль – и в Кале.

Так Николас Хук, лучник и преступник, оказался в Суассоне, где ему выдали накидку с красным бургундским крестом и поставили на городскую стену.

Всеми англичанами, нанятыми для службы бургундскому герцогу, командовал сэр Роджер Паллейр – спесивый латник, редко снисходивший до стрелков. Его приказы обычно передавал сентенар по имени Смитсон, облюбовавший таверну «L'Oie» – «Гусь», где проводил все время.

– Нас тут ненавидят, – с самого начала предостерег он новоприбывших. – Не хотите получить нож в спину – ночью поодиночке не шляйтесь.

Несмотря на то что солдаты в крепости были бургундцами, жители Суассона хранили верность своему безумному королю, Карлу VI Французскому. Хук, даже после трех месяцев жизни в крепости не различавший бургундцев и французов, не понимал их вражды: и говорят на одном языке, и герцог Бургундский не только кузен сумасшедшего короля, а еще и тесть французского дофина...

– Семейные дрязги, парень, – объяснил Джон Уилкинсон. – Хуже их не бывает.

Старику Уилкинсону было уже за сорок, его назначили мастерить луки и стрелы для лучников-англичан, нанятых бургундцами. Он жил в конюшенном закуте «Гуся», где аккуратно развесил на стене все свои пилы, надфили, скобели, резцы и стамески. Когда ему потребовался помощник, Смитсон выделил Хука, самого молодого из новоприбывших.

– У тебя-то хоть голова на плечах, – одобрительно проворчал Уилкинсон, – а то присылают всякую дрянь – что людей, что оружие. Лучники, а с пятидесяти шагов в бочку не попадут. А сам-то сэр Роджер! – Старик сплюнул. – Только деньги на уме. Дома-то все спустил, одних долгов, говорят, пять сотен фунтов. Пять сотен! Тебе, поди, и не снилось! А нам за него сражаться эдаким хламом... – вытащив очередную стрелу, покачал седой головой Уилкинсон.

– Стрелы дал сам король! – попытался оправдаться Хук, помогавший забирать стрелы из подвалов Тауэра.

– Королю, – усмехнулся Уилкинсон, – благослови Господь его душу, просто некуда их деть. Стрелы-то еще старого короля Эдуарда. Толку от них никакого, а продать Бургундии – самое то. Так он небось и замышлял. Гляди! – Старик перебросил стрелу Хуку.

Длинная – больше руки Хука – ясеновая стрела оказалась погнутой.

– Кривая, – признал Хук.

– Кривее не бывает! Хоть из-за угла стреляй!

В закуте Уилкинсона стоял жар – в углу пылал круглый кирпичный очаг, поверх которого дымился котел с водой. Старик взял у Хука гнутую стрелу и вместе с дюжиной других уложил на края котла, затем прикрыл ясеновые древки толстым слоем тряпок и придавил середину камнем.

– Сначала распарить, – пояснил он, – потом придавить, потом, если повезет, выпрямить. Оперение из-за пара отвалится, да что с того – чуть не половина стрел все равно без перьев!

Рядом горела жаровня, на которой стоял второй котел, поменьше, оттуда пахло копытным клеем – им Уилкинсон приклеивал к стрелам гусиные перья.

– И шелка нет, обходишь тут одними жилами, – проворчал он. Жилами обматывалась пятка стрелы вместе с перьями. – А от жил какой прок? Высыхают, съеживаются, рассыпаются... Говорил я сэру Роджеру – мол, без шелка мне никак, да ему-то что! Ему что стрела, что деревяшка, поди растолкуй...

Старик завязал жилу узлом и повернул стрелу, чтобы разглядеть пятку: при выстреле она прилегает к тетиве, и потому ее укрепляют насадкой из рога, чтобы отпускаемая тетива не расщепила ясеневое древко. Уилкинсон попробовал отломить роговой стержень, однако тот не поддался. И старик, нехотя пробурчав что-то одобрительное, потянулся к дискам за следующей стрелой. Каждая пара дисков из жесткой кожи, прорезанных по краям, держала две дюжины стрел – так их было удобнее перевозить без риска смять тонкое оперение.

– Перья, рог, шелк, ясень, сталь, лак, – бормотал Уилкинсон. – Возьми самый распрямленный лук и стрелка ему под стать – и все ж без перьев, ясеня, рога, шелка, стали и лака ты сможешь во врагов разве что плевать. Ты людей убивал, Хук?

– Да.

Уилкинсон, слышав вызов в голосе, усмехнулся:

– В бою? Или так? В бою людей убивал?

– Нет, – признался Хук.

– А из лука?

– Да, одного бродягу.

– Он в тебя стрелял?

– Нет.

– Тогда с чего тебе звать лучником? Лучник – тот, кто убивает врага в бою. Как ты убил последнего?

– Повесил.

– Почему?

– Он был еретик.

Уилкинсон – худой, как куница, мрачный и остроглазый – провел пятерней по редющим сединам и хмуро взглянул на Хука:

– Вешать еретика? Дрова, что ли, в Англии кончились... И давно за тобой такой подвиг?

– С прошлой зимы.

– Он из лоллардов? – спросил старик. Хук кивнул, и Уилкинсон недобро усмехнулся. – Стало быть, ты повесил человека за то, что он не сошелся с Церковью из-за ломтя хлеба? «Я хлеб живой, сошедший с небес», – говорит Господь, а про мертвый хлеб на церковном блюде – ни слова. Он ведь не сказал, что Он затхлый, лежалый хлеб, – нет, сынок, Господь назвал Себя хлебом живым. Но ты-то, вешая еретиков, уж конечно лучше Его понимал истину.

На вызов, кривившийся в словах старика, Хуку ответить было нечем, и он промолчал. Он не задумывался о вере и Боге, пока не услышал голос в конюшне, и теперь временами сомневался, не пригрезились ли ему те слова. Он вспомнил Сару, ее молящий взгляд и свою неудачную попытку помочь. Вспомнил запах жженой плоти и низкий стелющийся дым, обвеваемый ветром вокруг лилий и леопардов на английском гербе. Вспомнил отмеченное шрамом лицо молодого короля, суровое и непреклонное.

– А вот из этой, – Уилкинсон потянул к себе стрелу, обломленную близко к наконечнику, – мы еще сделаем убийцу что надо. Пусть утянет в ад дворянскую душу...

Старик положил стрелу на деревянную колоду и выбрал нож поострее, попробовав лезвие на ногте большого пальца. Быстрым движением он отхватил верхние шесть дюймов древка и перебросил стрелу Хуку.

– Займись делом, парень, сними наконечник.

Узкое стальное жало, длиннее среднего пальца Хука, сходилось к острию тремя гранями без зубцов. Такие наконечники были тяжелее прочих и могли пробить доспехи, а на близком расстоянии – если стрелять из мощного лука, для которого нужна геркулесова сила, – пробивали даже рыцарские латы.

Хук принялся вращать наконечник. В конце концов клей внутри отверстия отслоился, высвободив древко.

– Знаешь, как закаляют острие? – спросил Уилкинсон.

– Нет.

Старик, наклонившись над обрубок ясеновой стрелы, тонкой пилкой не длиннее мизинца выпиливал клин в отрезанном торце.

– Когда куют, в огонь сыплют кости. Да-да, высохшие мертвые кости. А почему горящие угли с костями обращают железо в сталь?

– Не знаю.

– Вот и я не знаю. А поди ж ты – угли да кости... – Уилкинсон, сдув опилки с торца, удовлетворенно кивнул. – Я знал одного в Кенте – тот сыпал кости человеческие. Детский череп, говорит, дает лучшую сталь. Раскопает могилу, вытащит череп, бросит кусками в огонь... Младенческий череп – на угли!.. Подонок был еще тот. Но уж убивать его стрелы умели, этого не отнять. Сквозь доспехи проскальзывали – только ахнешь...

Уилкинсон, пока говорил, достал откуда-то дубовое древко в шесть дюймов длиной, его клиновидный выступ точно повторял форму только что сделанной прорези в ясеновой стреле.

– Видал? Ровнее не бывает! – гордо произнес старик, состыковывая в руке оба древка. – Не в первый раз, поди! Теперь ее склеить – и готова убивать.

Подхватив свободной рукой наконечник, старик наставил его на дубовый торец и любовно оглядел стрелу. Дубовый стержень придавал стреле вес и усиливал тяжесть наконечника. Так стрела вернее пробьет латные доспехи.

– Попомни мое слово, парень, убивать тебе придется уже скоро, – пробормотал Уилкинсон.

– Скоро?

– Король Франции, – мрачно усмехнулся старик, – может, и безумен, да только не потерпит, чтоб бургундский герцог удержал Суассон. До Парижа рукой подать! Королевское войско вот-вот нагрянет, и тогда нам только и останется, что бежать в крепость. А коль доберутся до крепости, то уж лучше помереть заранее. Французы англичан не любят, наших лучников и вовсе ненавидят, так что попадись ты им в руки – умирать будешь в мучениях и воплях. – Он взглянул на Хука. – Я не шучу, парень. Лучше перерезать себе глотку, чем попасть к французам.

– Если придут – отобьем, – пожал плечами Хук.

– Ну да, еще бы, – жестко усмехнулся Уилкинсон. – Молись, чтоб герцогское войско явилось раньше. Потому что, если в Суассон придут французы, мы окажемся в западне, как крысы в кадучке с маслом.

И теперь каждое утро Хук стоял на городской стене над воротами и оглядывал дорогу на Компьен, ведущую вдоль Эны. Еще чаще он глазел на дома за стеной, в предместье, и особенно на дом красильщика у сточной канавы – там рыжая девка каждый день развешивала во дворе крашенные ткани для просушки и частенько, взглядывая на Хука и других стрелков, махала

им рукой, получая в ответ одобрительный свист. Женщина постарше, однажды поймав ее на заигрывании с вражескими солдатами, отвесила девке ощутимую оплеуху, однако на следующий день рыжая вновь крутила во дворе задом, к удовольствию зрителей. Когда девка не появлялась, Хук глядел на дорогу – не мелькнет ли солнечный блик на доспехах, не заплещется ли на ветру яркое знамя, возвещающая приближение герцогского войска или, сохрани Господь, вражеской армии. Однако на глаза попадались лишь бургундцы из городской стражи, тянущие в город съестное. Порой в такие вылазки с ними пускались и стрелки, по-прежнему не встречая по пути никакого противника, кроме хозяев реквизируемого хлебного зерна и живности. Крестьяне в таких случаях могли укрыться в лесу, а вот горожанам, чьи дома солдаты перерывали в поисках припасенной еды, деваться было некуда. Мессир Ангерран де Бурнонвиль, командующий бургундским гарнизоном, велел сносить в собор все зерно и засоленное мясо, чтоб было чем прокормить гарнизон и жителей: он ждал французов в начале лета и готовился к долгой осаде.

Ник Хук помогал убирать припасы в собор. И вскоре здание наполнил хлебный аромат, который, впрочем, не заглушал острого запаха выделанной кожи – Суассон издавна славился кожевниками, обувщиками и шорниками, и вонь от располагавшихся на юге ям с мочой, в которых выдерживались кожи, при южном ветре неминуемо пропитывала весь город. Хук часто бродил по собору, дивясь на расписанные стены и богатые алтари в серебре, золоте и эмали, крытые расшитым шелком и льном. В соборах ему прежде бывать не приходилось, и теперь отдающее эхом пространство, теряющиеся в тенях высокие своды, торжественное каменное безмолвие – все наводило его на странные мысли о том, что в жизни должно быть нечто большее, чем луки, стрелы и способность с ними управляться. В чем состоит это нечто – Хук не знал, однако такие мысли преследовали его с самого Лондона, с того мига, когда после разговора со стариком-лучником в голове раздался повелительный голос. Как-то раз Хук, с непривычки чувствуя себя неловко, опустился на колени перед статуей Девы Марии и попросил прощения за то, что не сумел ничем помочь той девушке в лондонской конюшне. Он поднял взгляд на печальный лик Богоматери, и ему показалось, будто глаза ее, ярко выписанные белой и голубой краской, глядят на него с укором. «Ответь мне», – взмолился он, однако никаких голосов не услышал. За смерть Сары не будет прощения, он нарушил Божью волю. Он проклят...

– Думаешь, она поможет? – прервал его молитвы резкий голос: рядом с Хуком стоял Уилкинсон.

– Если не она, кто еще?

– Может, ее Сын? – ядовито осведомился старик и украдкой огляделся: у боковых алтарей полдюжины священников служили мессы, по нефу спешила стайка монахинь в сопровождении клириков. – Бедняжки, – вздохнул он.

– Почему?

– Думаешь, они шли в монастырь по своей охоте? Нет, парень, просто их родителям не нужны хлопоты: незаконных дочерей делают монашками, чтобы они не наплодили незаконных внуков. Иди сюда, кое-что покажу.

Не дожидаясь ответа, Уилкинсон заковылял к высокому алтарю, блистающему золотом под необыкновенной красоты арками, ряды которых образовывали полукруг в восточной части здания.

– Взгляни на ларцы, парень, – велел старик, преклоняя колени у алтаря и почтительно склоняя голову.

На алтаре, по обе стороны от распятия, стояли серебряные и золотые ларцы, многие под хрустальными крышками. Внутри, насколько можно было разглядеть под хрусталем, лежало что-то кожаное.

– Что там? – спросил Хук.

– Башмаки, – приглушенно ответил Уилкинсон, не поднимая головы.

– Башмаки?

– Ну да, такие штуки, которые носят на ногах, чтобы песок не застревал между пальцев.

Кожа выглядела старой, тусклой и покореженной. Туфля в одном ковчежце настолько сохлась, что Хук счел ее детской.

– А зачем тут башмаки? – спросил он.

– Ты слышал о святых Криспине и Криспиниане?

– Нет.

– Они покровители обувщиков и кожевников, и эти башмаки – их работа. По крайней мере, так говорят. Оба жили в Суассоне, здесь же, похоже, и убиты. Замучены за веру – как тот старик, которого вы сожгли в Лондоне.

– Он был...

– Еретик, да. Всех мучеников убивали из-за того, что кому-то из сильных не нравилась их вера. Христа на кресте – самого Христа, парень! – распяли за ересь. За что ж еще? А женщин ты убивал?

– Нет, – выдавил Хук.

– Значит, женщины там были? – спросил Уилкинсон, пристально взглянув на Хука. Ответа ему не потребовалось, он поморщился. – Вот уж порадовался Бог в тот день, ничего не скажешь.

Старик с отвращением покачал головой и полез в кошель на поясе. Достав горсть чего-то металлического – Хук решил, что монет, – он ссыпал их в огромную медную кружку у алтаря, предназначенную для пожертвований. Священник, что подозрительно следил за двумя англичанами-лучниками, при звяканье металла явно успокоился.

– Наконечники стрел, – ухмыльнулся Уилкинсон. – Старые ржавые наконечники, никуда не годные. А теперь помолись святым Криспину и Криспиниану.

Хук помедлил. Господь не мог не видеть, как Уилкинсон всыпал в кружку негодные наконечники вместо денег, и Ник, словно ощутив подступающие языки гееннского огня, поспешил опустить в кружку монету.

– Молодец, – тут же отозвался Уилкинсон. – Епископу твои денежки точно пригодятся, будет на что пива попить.

– Зачем молиться Криспину и Криспиниану? – спросил Хук.

– Они здешние святые, парень. Их дело внимать молитвам из Суассона. Здесь они услышат тебя скорее других.

Хук, опустившись на колени, вознес молитву святым Криспину и Криспиниану, чтобы они испросили ему прощение за лондонский грех, уберегли от беды в Суассоне, где им самим случилось принять смерть, и дали благополучно вернуться в Англию. Молитва получилась не такой сердечной, как обращения к Богородице, однако Хук счел разумным и дальше молиться обоим местным святым. Уж они-то наверняка слышат тех, кто взывает к ним из их родного города.

– Я готов, парень, – объявил Уилкинсон, внезапно оживляясь. На ходу он запихивал что-то в карман, и Хук, подойдя ближе к алтарю, увидел, что от покрова, свисавшего до полу, грубо откромсан прямоугольный кусок. Старик ухмыльнулся: – Шелк, парень. Если шелк для стрел негде взять – надо стащить.

– У Бога?

– Коль Богу негде взять пару шелковых ниток, значит плохи Его дела. Ты ведь мечтал убивать французов? Значит, молись, чтоб у меня был шелк для твоих стрел.

Однако помолиться Хуку не пришлось: на рассвете следующего дня французы нагрянули в город.

В Суассоне о приближении французов знали. До города долетела весть о сдаче бургундцами Компьена, и Суассон теперь оставался единственной крепостью, преграждавшей французам путь к Фландрии, где стояли основные силы бургундцев. Говорили, что французы идут с запада, вдоль Эны.

И в одно погожее летнее утро они объявились у стен города.

Хук наблюдал за их приближением, стоя на западном валу. Вначале показалась конница в доспехах и ярких гербовых накидках, несколько латников галопом подлетели ближе к городу, дразня и напрашиваясь на выстрел. Кое-кто из арбалетчиков не удержался, однако выпущенными стрелами не задело ни коней, ни всадников.

– Берегите стрелы, – велел сентенар Смитсон своим стрелкам-англичанам. Он небрежно щелкнул пальцем по натянутому луку Ника. – Не стреляй, парень, стрелы еще пригодятся.

Сентенар, которому пришлось вылезти из излюбленной харчевни «Гусь», прищурился, глядя в сторону гарцующих всадников. Те что-то неразборчиво кричали солдатам, водружающим на валу бургундский флаг рядом с личным штандартом гарнизонного командующего, мессира де Бурнонвиля. Кучка горожан тоже высыпала на вал посмотреть на новоприбывших всадников.

– Выродки, – бросил Смитсон при виде горожан. – Только и ждут, как бы нас предать. Надо было убивать всех, резать проклятые французские глотки. – Он сплюнул. – Сегодня точно ничего не дождемся. Можно сидеть и пить пиво, пока есть.

И Смитсон неверными шагами направился прочь, оставив на стене Хука и полдюжины стрелков.

Французы шли весь день, по большей части пешие. Окружая Суассон, они срубали деревья на пологих холмах к югу от города и возводили на расчищенной земле палатки, рядом с которыми вскоре затрепетали на ветру яркие штандарты французской знати – соцветия алого, синего, золотого и серебряного. На баржах, подошедших по реке, прибыли четыре баллисты – огромные камнеметные машины для разрушения городских стен. На берег в тот день выгрузили лишь одну, и Ангерран де Бурнонвиль, надеясь сразу же сбросить ее в реку, с двумя сотнями конных латников предпринял вылазку через западные ворота, однако набег не удался: французы, ожидавшие нападения, встретили бургундцев вдвое большей силой. Два отряда, подняв копы, ненадолго замерли друг против друга, затем бургундцы отступили, сопровождаемые свистом и улюлюканьем французов.

После полудня начал сгущаться дым: французы жгли дома за городской стеной. Хук видел, как рыжая девка, подхватив узел с пожитками, направилась к французскому лагерю. В густеющем дыму она оглянулась на лучников и помахала рукой. Никто из жителей предместья не просился в город. Все уходило к противнику. Под прикрытием дыма появились первые вражеские арбалетки, каждого стрелка закрывал щитоносец с толстой павезой – огромным щитом, за которым можно спрятаться стрелку, пока он взводит арбалет после выстрела. Тяжелые арбалетные стрелы то и дело ударяли в стены или свистели над головой, перелетая через вал в город.

К вечеру, когда солнце уже клонилось к громоздкой катапульте на берегу, протрубили трубы. Чистый и ясный звук далеко разнесся в задымленном воздухе. Как только отзвенела последняя нота, арбалетки прекратили стрельбу. В предместье взметнулся столб искр над тростниковой крышей, обрушенной внутрь горящего дома, густой дым повалил в сторону Компьенской дороги, на которой Хук увидел двух всадников – без лат и оружия, в ярких гербовых накидках, с воздетыми над головой тонкими белыми жезлами. Их кони осторожно ступали по изрытой колеями дороге.

Мессир де Бурнонвиль, должно быть, их ожидал: западные ворота тотчас распахнулись, и командующий гарнизоном в сопровождении единственного спутника выехал навстречу двум прибывшим.

– Герольды, – проронил Джек Дэнси, уроженец Херефордшира. К бургундцам Джек подался после того, как его поймали на воровстве. «Там повесят, тут убьют – разница невелика», – сказал он как-то Хуку. Теперь, стоя на стене, он оглядывал всадников. – Герольды предложат сдаться... Хорошо бы наши согласились.

– Согласиться на французский плен? – переспросил Хук.

– Нет-нет, он мужик что надо, – Дэнси кивнул на де Бурнонвиля, – нам плохого не сделает. Если сдадимся – нас отпустят.

– Куда?

– Куда захотят, – неопределенно отозвался Дэнси.

Герольды, сопровождаемые двумя знаменщиками и трубачом, съехались с де Бурнонвилем почти у самых ворот и обменялись с ним поклонами, не сходя с седел. Хотя герольдов Хук видел впервые, он уже знал, что они неприкосновенны и встречать их полагается почтительно. Герольд, осматривающий местность перед боем, действует от имени своего господина, а нынешние двое, судя по королевскому знамени из синего шелка с тремя золотыми лилиями, служат не кому иному, как королю Франции. Второй флаг, пурпурный с белым крестом, по словам Дэнси, выходил знаменем святого Дионисия – Сен Дени, как звали его французы, – покровителя Франции.

«Интересно, – думал Хук, теребя деревянный крестик на шее, – у кого больше власти на небесах, у Дионисия или у Криспина с Криспинианом? А подзащитных своих они отстаивают перед Богом так же, как адвокаты в суде?..»

Герольды и мессир де Бурнонвиль обменялись немногими словами, затем вновь раскланялись, и оба герольда, повернув серых коней, поскакали обратно. Де Бурнонвиль, поглядев им вслед, галопом пустился к городу. У горящего дома красильщика он придержал коня и что-то прокричал воинам на стене. Французского Хук почти не понимал, однако де Бурнонвиль добавил по-английски:

– Будем биться! Крепость французам не сдадим! Одолеем врага!

Звонящий клич замер в тишине: ни бургундцы, ни англичане-лучники не поддержали командующего. Дэнси лишь вздохнул. Арбалетная стрела, принесшаяся от французов, прожужжала над головой и с лязгом ударилась о ближайшую мостовую. Де Бурнонвиль, не дождавшись отклика от стоящих на стене воинов, двинул коня к воротам; Хук услышал скрип огромных петель, грохот деревянных створок и тяжелый стук засова, опускаемого в скобы.

Солнце, ушедшее за дымную завесу, отливало теперь червонным золотом. Внизу сквозь редящие клубы дыма стала видна группа скачущих вдоль городской стены вражеских всадников в доспехах и шлемах. Один, выдвинувшись вперед на огромном вороном жеребце, держал в руке странное знамя без герба – длинный и узкий стяг ярко-алого шелка, бьющийся на ветру, как струя крови. Завидев его, воины на стене осеняли себя крестом.

– Орифламма, – спокойно произнес Дэнси.

– Орифламма?

Дэнси, лизнув средний палец, еще раз перекрестился.

– Боевое знамя французов. Это значит, что обойдутся без пленных, убивать будут всех, – мрачно сказал он и вдруг откинулся навзничь.

В первый миг Хук не понял, что произошло. Он решил, что Дэнси оступился, протянул руку помочь – и тут увидел оперенную арбалетную стрелу, торчащую во лбу. Крови почти не было, лишь пара мелких капель. В остальном лицо Дэнси выглядело вполне мирным. Хук, опустившись на колени, оглядел толстую стрелу: снаружи торчал лишь хвост длиной в ладонь, остальное ушло глубоко в мозг; если не считать хруста, как от мясничьего топора, то Дэнси умер беззвучно.

– Джек! – окликнул его Хук.

– Ему не до тебя, Ник, – отозвался кто-то из лучников. – Он уже, поди, болтает в аду с дьяволом.

Хук так никогда в жизни и не понял, как все случилось и почему. Не то чтобы он считал Дэнси близким другом – друзей у него в Суассоне не водилось, разве что Джон Уилкинсон, – и все же его обуяла внезапная злость. Дэнси был англичанином, а в Суассоне англичан не любили не только враги-французы, но и свои же бургундцы, – и Хук, потянувшись к белому холщовому мешку на правом боку, медленно вытащил стрелу.

Повернувшись к полю, он наложил стрелу на цевье и, придерживая большим пальцем левой руки, приставил ее хвостом к тетиве; затем, вскинув лук, захватил правой рукой тетиву вместе с концом стрелы.

– Стрелять не велено, – упреждающе бросил лучник, стоящий поблизости.

– Зря стрелу потратишь! – поддакнул другой.

Натянув тетиву до правого уха, Хук пошарил глазами по дымному полю перед городом, и взгляд его выхватил арбалетчика, спрятавшегося за павезой с изображением скрещенных топоров.

– Из лука не достанешь, это ж не арбалет, – предостерег его сосед-лучник.

Однако Хук стрелял с детства, набирая опыт и силу, пока ему не стали по руке самые мощные боевые луки, и он давно знал, что лучник целится не глазом, а чутьем: просто видишь цель и направляешь стрелу.

Арбалетчик уже поднимал свое тяжелое оружие, чьи-то две стрелы прошелестели в вечернем воздухе рядом с Хуком.

Он забыл обо всем. Так бывает в лесу, когда среди ветвей мелькнет олень. Стрела летит ему вслед, словно без ведома лучника. «Все умение – у тебя в голове, – давным-давно сказал ему деревенский стрелок. – Лук не нацеливают. Просто смотришь и знаешь, куда нужно попасть. И стрела идет сама».

Хук отпустил тетиву.

– Вот же дурень, – бросил кто-то рядом.

Белое гусиное оперение мелькнуло в дымном воздухе. Стрела спикировала быстрее, чем падающий на добычу ястреб. Сама оперенная смерть со стальным жалом, шелковой обвязкой и ясеным древком пронзила вечернюю тишь.

– Боже милостивый, – прошептал сосед-лучник.

Французу не так повезло с быстрой смертью, как Джеку Дэнси. Стрела Хука пробила ему горло, стрелка развернуло на месте и опрокинуло навзничь. Арбалет в падении разрядился, стрела взмыла в небо. Арбалетчик в корчах бился на земле, цепляясь руками за горло, где жидким огнем разливалась боль, а над ним простиралось подернутое дымом пожарами кроваво-красное небо, горящее предсмертным закатным огнем.

«Хорошая была стрела», – подумал Хук. Прямая, с перьями из одного и того же гусяного крыла, она летела уверенно и попала в цель. Он убил человека в бою и теперь наконец может зваться лучником.

На второй день осады Хук решил, что миру настал конец.

Вечер выдался теплым, прозрачный свет разливался в бледном воздухе, река медленно скользила между цветущих берегов с зарослями ивы и ольхи. Знамена над французскими палатками не колыхались, легкий дымок от сожженных домов медленно струился вверх и таял в безоблачном вечернем небе, у городской стены кружили ласточки.

Николас Хук, прислонив ненатянутый лук к стене, стоял на крепостном валу. Воспоминания уносили его в Англию, к усадьбе и широким лугам, которым уже недолго ждать сенокоса, к высокой траве с прячущимися в ней зайцами, к реке, полной форели, к пеню жаворонка в сумерках. Он вспоминал Короткий луг и старый коровник с прогнившей крышей. Там,

за душистой стеной жимолости, обычно встречала его Нелл, молодая жена Уильяма Сноболла, и отдавалась ему молча и неистово. Он раздумывал о том, кто сейчас следит за лесом Трех Бутонов, и в тысячный раз недоумевал, кто дал лесу такое имя. Деревенская харчевня тоже звалась «Три бутона», почему – не знал даже лорд Слейтон, который временами добирался до нее на костылях и неизменно оставлял монету за пиво на всех. Хук подумал о злобных вездесущих Перрилах. Сейчас он преступник вне закона, и домой ему нельзя – случись Перрилам его прикончить, его смерть не зачтется им как убийство, ведь закон не защищает преступника. Он вновь припомнил окно в лондонской конюшне, через которое Бог приказал ему спасти лоллардскую девушку. Хук не сумел ей помочь, и теперь ему вовек не видать пролившегося на него тогда небесного света. Сара. Он часто шептал ее имя, словно звук мог принести ему помилование.

Вдруг вечерняя тишь разом кончилась.

Вначале грянул свет – темный свет, как почудилось Хуку: вспышка черно-красных огненных сполохов языком змея из преисподней лизнула воздух у траншеи, вырытой французами вблизи катапульт. Геенна огненная показалась лишь на мгновение. Ее внезапно накрыло тучей плотного черного дыма, и тут же грянул оглушительный гром, сотрясший небеса. В ответ поблизости раздался грохот, словно что-то ударило в городскую стену.

Стена дрогнула. Лук Хука свалился и задребезжал по камням, над головой пронеслись птицы, вспугнутые грохотом, дымом и пламенем. Дымная черная туча скрыла солнце.

– Боже всемогущий! – только и вымолвил кто-то из лучников.

– Все ждал, когда ж она грянет. Пушка, – с отвращением заметил в ответ второй. – Пушку когда-нибудь видел?

– Нет.

– Ну теперь увидишь, и не одну, – мрачно кивнул второй.

Хук, тоже прежде не знавший о пушках, вздрогнул при следующем выстреле, взметнувшимся в летнее небо вторую тучу дыма.

На следующий день к прежним пушкам присоединились еще четыре, и урон от шести пушек был намного ощутимее, чем от четырех деревянных катапульт. Метательным машинам не доставало точности, и пущенные ими камни часто перелетали вал и попадали в город, разрушая дома и взметая пожары от разбросанных очажных углей. Зато каменные ядра, летящие из пушек, упорно били в городскую стену, уже изрядно развороченную. Всего за два дня внешняя обкладка стены раскрошилась и ссыпалась в широкую сточную канаву, и, пока пушки целенаправленно разрушали ее дальше, бургундцы торопливо строили полукруглую баррикаду с внутренней стороны стены.

Пушки стреляли трижды в день, звук выстрелов размерял время с постоянством монастырского колокола, зовущего к молитве. Свою единственную пушку бургундцы, ожидая наступления французов по Парижской дороге, заранее укрепили на южном бастионе, и только на третий день осады ее удалось перетащить к западному валу и поставить на крышу надвратной башни. Первое время Хук не сводил с нее глаз. Вид черного железного дула, длинного, как два лука, и стянутого обручами подобно пивной кружке, его завораживал. Голландцы-пушкари долго наблюдали за вражескими орудиями и, нацелив дуло на выбранную французскую пушку, приступили к трудоемкому заряджению. Длинным совком они засыпали в ствол порох, туго утрамбовали его обернутым тканью прибойником, затем в широкой деревянной бадье замесили глину и, плотно забив ее поверх пороха, оставили высыхать, а сами кружком уселись играть в кости. Наконец главный канонир, дородный голландец с раздвоенной бородой, счел глину готовой, и тогда в ствол уложили грубо отесанное каменное ядро, подперев его внутри дула деревянным клином. Пока священник кропил пушку святой водой и читал молитву, голландцы длинными рычагами подправляли наводку.

– Отойди подальше, парень, – предупредил Хука сентенар Смитсон, ради такого зрелища вылезший из «Гуся».

Мессир де Бурнонвиль, бывший здесь же, удостоил пушкарей ободрительным словом, еще десятка два зрителей предпочитали держаться подальше от пушки, косясь на нее, как на норовистого дикого зверя.

– Доброе утро, сэр Роджер, – вежливо кивнул Смитсон высокому и тонкому, как стрела, командующему английскими наемниками.

Сэр Роджер Паллейр даже бровью не повел. Его узкое лицо с крючковатым носом и длинным подбородком при виде лучников привычно скривилось, словно от запаха нечистот.

Дородный голландец, дождавшись конца молитвы, вставил выскобленный стержень пера в узкое отверстие на казенной части и через медную воронку наполнил стержень порохом, затем еще раз окинул взглядом пушку и, отступив в сторону, протянул руку за тонким зажженным фитилем. Священник – единственный, кроме канониров, кто оставался рядом с пушкой, – осенил ее крестом, наскоро пробормотав благословение, и главный канонир поднес фитиль к стержню с порохом.

Пушка взорвалась.

Вместо того чтобы послать каменное ядро во французские осадные укрепления, она исчезла в мешанине дыма, рваного железа и развороченной плоти. Пятерых пушкарей и священника убило мгновенно, на их месте остался лишь кровавый туман и клочья мяса с ребрами. Какой-то латник завопил и скорчился. Кусок раскаленного железа разорвал ему живот. Стоявший рядом сэр Роджер, которому заляпало кровью гербовый налатник (три ястреба на зеленом поле), поспешно отступил и скривился.

– Сегодня после заката, Смитсон, встретимся в церкви Сен-Антуан-лё-Пти, – бросил он сквозь кровавую дымную вонь. – Приведите всех лучников.

– Да-да, сэр, конечно, – еле слышно ответил сентенар, не в силах отвести глаза от остатков пушки – распавшегося дула и порванной в дымящиеся клочья казенной части.

У ног Хука, рядом с куском железного обода, валялась чья-то рука. От пушкарей, нанятых бургундцами за большие деньги, остались лишь кости. Мессир де Бурнонвиль, не замечая ошметков мяса, налипших на окровавленный налатник, перекрестился. Со стороны французов донеслось издевательское улюлюканье.

– Нужно подготовиться к штурму, – закончил сэр Роджер, словно не видя кровавого ужаса вокруг.

– Разумеется, сэр Роджер, – отозвался Смитсон, соскабливая с ремня вязкую массу. – Хваленые голландские мозги, – с омерзением буркнул он, отбрасывая комок вслед удаляющемуся сэру Роджеру.

Сразу после заката сэр Роджер в сопровождении трех латников, носящих его герб, явился в церковь Сен-Антуан-лё-Пти, где собрались лучники Суассона – англичане и валлийцы. Хотя накидку ему успели постирать, кровавые пятна еще слегка проступали на зеленой ткани. Сэр Роджер, храня все то же презрительное выражение лица, встал перед алтарем в неверном свете тусклых оплывающих свечей, вставленных в скобы церковных колонн.

– Ваше дело защищать брешь, – начал он без предисловий, как только восемьдесят девять лучников уселись на полу. – Когда враг пойдет на приступ – неизвестно. Могу лишь сказать, что скоро. Полагаю, вам под силу отразить штурм.

– Конечно, сэр Роджер, – почтительно отозвался Смитсон. – Можете на нас положиться.

При звуке его голоса длинное лицо сэра Роджера дернулось. Среди англичан ходили слухи, что их командующий взял у итальянских банкиров крупную ссуду в надежде унаследовать поместье от дяди, однако земли отошли кузену, и сэр Роджер остался должен неумолимым ломбардцам целое состояние. Поступая на службу к герцогу Бургундии, он, видимо, надеялся захватить в плен богатого французского рыцаря и взять за него выкуп.

– Если вы не удержите противника за пределами города, – продолжал он, – вам надлежит собраться здесь, в этой церкви.

Лучники в недоумении переглянулись, кто-то нахмурился. Если враг прорвется сквозь брешь и одолеет возводимые за ней укрепления – им положено укрыться в крепости.

– Сэр Роджер... – осмелился было Смитсон.

– Я не просил задавать вопросы, – отрезал тот.

– При всем уважении, сэр, – продолжал Смитсон настойчиво, но почтительно, – в крепости ведь безопаснее?

– Вы соберетесь здесь, в церкви! – жестко отчеканил сэр Роджер.

– А почему не в крепости? – вызывающе крикнул кто-то рядом с Хуком.

Сэр Роджер, окинув глазами полутемную церковь, смельчака не разглядел, однако все же снизошел до ответа.

– Горожане нас ненавидят, – проронил он. – По пути к крепости вас могут перебить на улицах. Церковь стоит неподалеку от бреши, прячьтесь здесь. – Он помедлил. – Я постараюсь добиться для вас перемирия.

Повисла неловкая тишина. В чем-то сэр Роджер был прав: Суассон населен французами, которые верны своему королю и ненавидят бургундцев, а еще пуще – англичан, и лучникам по пути в крепость не избежать нападений.

– Перемирие, – неопределенно произнес Смитсон.

– Французы воюют с Бургундией, – добавил сэр Роджер. – Не с англичанами.

– Вы будете с нами, сэр Роджер? – выкрикнул кто-то из лучников.

– Разумеется. – Сэр Роджер помолчал, однако вопросов больше не последовало. – Сражайтесь достойно, – холодно добавил он, – и помните, что вы англичане!

– Валлийцы, – вставил кто-то.

Сэра Роджера ощутимо передернуло. Не проронив больше ни слова, он в сопровождении троих латников вышел из церкви. Стоило ему ступить за порог, как поднялся возмущенный гул: церковь Сен-Антуан-лё-Пти, пусть каменная и прочная, все же не могла равняться с крепостью, хоть та и стоит на другом конце города...

Хук не представлял, каково будет добраться до убежища, если французы прорвутся сквозь разрушенный вал, а горожане перекроют улицы. Он взглянул на настенную роспись, где мужчины, женщины и дети сваливались в ад. Среди душ, осужденных на мучения, были священники и даже епископы, и вся толпа с воплями и криком низвергалась в огненное озеро, где уже ждали злобно ухмыляющиеся черти с острыми резубцами.

– Случись тебе попасть к французам – позавидуешь тем, кто в преисподней, – бросил ему Смитсон, проследив взгляд Хука. – Если французские сволочи нас схватят, нам только и останется молить Бога о тихой жизни в мирном аду. Поэтому запомните все! Мы бьемся на баррикаде, а если все идет к чертям – прячемся здесь.

– Почему здесь? – выкрикнул кто-то.

– Потому что сэр Роджер знает, что делает, – ответил Смитсон без малейшей уверенности в голосе и тут же подмигнул. – А кто обзавелся подружкой, не забудьте прихватить с собой! – Он почмокал мясистыми губами. – Не оставлять же наших крошек на улице, где по ним пройдет добрая половина французской армии, а?

На следующее утро, как обычно, Хук глядел через Эну на лесистые северные холмы, откуда осажденный гарнизон ожидал бургундское подкрепление. Подкрепления не было. Огромные каменные ядра, со свистом перелетавшие через сожженное дотла предместье, били в осыпающуюся стену, поднимая облака пыли, которая оседала на реке бледно-серыми пятнами. Каждое утро Хук вставал до рассвета и шел в собор, где, преклонив колена, молился. Его предупреждали, что ходить в одиночку опасно, однако жители Суассона не мешали. То ли побаивались его роста и силы, то ли уже привыкли к тому, что он, единственный из лучников,

ходит в собор ежедневно. Он оставил молитвы святым Криспину и Криспиниану – ведь обоим больше пристало заботиться о горожанах, своих земляках, – и молился теперь Деве Марии, носящей то же имя, что и его мать: просил у нее прощения за смерть девушки, погибшей в Лондоне.

Однажды рядом опустился на колени священник. Хук не повернул головы.

– Ты тот англичанин, который молится, – медленно подбирая английские слова, сказал священник. Хук не ответил. – Они спрашивают почему, – кивнул священник в сторону женщин, преклонивших колени у других статуй и алтарей.

Хуку не хотелось вступать в разговоры, однако священник казался дружелюбным, в его голосе звучала доброта.

– Просто молюсь, – буркнул Хук.

– За себя?

– Да.

– Тогда проси что-нибудь для других, – мягко посоветовал священник. – Такие молитвы доходят до Бога быстрее: когда молишься за других, Он исполняет и то, что просишь для себя. – Священник встал и легко тронул Хука за плечо. – Не забывай наших святых, Криспина и Криспиниана. Они заняты меньше Богоматери. Господь да сохранит тебя, англичанин.

Священник отошел. Хук, решив последовать его совету, приблизился к алтарю у изображения обоих мучеников и стал молиться за душу Сары, жизнь которой не сумел спасти в Лондоне. Он не отрывал взгляда от росписи – святые стояли посреди усыпанного золотыми звездами поля на зеленом холме, возвышающемся над белостенным городом, и взирали на Хука сурово и немного печально. Облаченные в белые одежды, они вовсе не походили на башмачников. Криспин сжимал в руке пастуший посох, Криспиниан держал сплетенный из лозы поднос, полный яблок и груш. Имена были написаны под фигурами. Читать Хук не умел, однако распознал святых по тому, что одно имя выглядело длиннее другого. Криспиниан располагал к себе больше: круглолицый и голубоглазый, он улыбался легкой доброй улыбкой. Святой Криспин, более суровый, стоял вполоборота, словно ему претило тратить время на досужих зевак и он вот-вот ступит прочь с холма. Поэтому каждое утро Хук молился Криспиниану, хотя не забывал и Криспина, и всякий раз опускал в кружку две монетки.

– С виду и не скажешь, что ты богомолец, – заметил как-то вечером Джон Уилкинсон.

– Я раньше не молился.

– Боишься за свою душу? – спросил старик.

Хук, обматывая оперенную стрелу шелковой нитью, выдранной из алтарного покрывала, помедлил с ответом.

– Я слышал голос, – неожиданно для себя произнес он.

– Голос? – переспросил Уилкинсон. Хук молчал. – Божий глас?

– В Лондоне, – невпопад ответил Хук.

Он уже пожалел, что выпалил признание, ему сделалось неловко, однако Уилкинсон принял его слова всерьез и кивнул.

– Ты счастливчик, Николас Хук.

– Я?

– Если с тобой говорил Бог, значит у Него для тебя есть дело. Стало быть, ты можешь уцелеть в нынешней осаде.

– Если со мной и вправду говорил сам Бог, – растерянно пробормотал Хук.

– Почему бы нет? Должен же Он говорить с людьми, особенно если Церковь Его не слышит.

– Как – не слышит?

Уилкинсон сплюнул.

– Церкви нужны деньги, парень, только деньги. Священники должны быть пастырями, так? Их дело – приглядывать за паствой, а они сидят у роскошных столов и набивают брюхо пирогами. – Он уставил стрелу в Хука. – Если французы ворвутся в город, не вздумай идти в ту церковь Святого Антония Меньшого! Укройся в крепости.

– Сэр Роджер...

– Хочет нашей смерти, – гневно отрезал Уилкинсон.

– Почему?

– Потому что у него нет денег, зато есть долг, и твоего сэра Роджера перекупит любой, у кого кошелек толще. Он не настоящий англичанин: его предки пришли в Англию с норманнами. В нем по горло бурлит норманнское дерьмо, а нас с тобой, саксов, он на дух не переносит. Вот и вся причина. Если что, укрывайся в крепости, парень. И не спорь.

Ближайшие ночи выдались темными, ущербный месяц едва светился в небе узким, как нож продажного убийцы, серпом. Мессир де Бурнонвиль, опасаясь ночного нападения, велел привязать в сожженном предместье собак: если они поднимут лай, стражи ударят в сигнальный колокол над западными воротами. Однако был и лай, и колокольный звон, а враг в ту ночь так и не напал. Зато поутру, как только над рекой показался рассветный туман, французы катапультами забросили в город собачьи трупы – оскопленные и с перерезанным горлом, словно предупреждение защитникам города об уготованной им судьбе.

Прошел День святого Абда. Бургундские войска так и не появились. Затем настал и минул День святого Поссидия. В праздник Семи святых дев Хук молился каждой из них, на следующем рассвете воссылал мольбы английскому святому Дунстану, затем – святому английскому королю Этельберту и неотступно молился Криспиниану и Криспину, прося их о защите. На следующий день, в праздник святого Госпиция, его молитвы получили отклик.

Французы, молившиеся святому Дионисию, пошли приступом на Суассон.

Глава вторая

Первыми о нападении известили церковные колокола, забренчавшие в ночи лихорадочно и суматошно. Хук, вскочив с соломенного тюфяка в мастерской Джона Уилкинсона, на миг смешался. Взгляд не различил ничего, кроме языков огня, взметнувшихся к потолку. Старик, чтобы осветить помещение, бросил в жаровню новую охапку хвороста.

– Хватит лежать, как супоросая свинья, – буркнул Уилкинсон. – Французы в городе.

– Матерь Божья! – Хука обдало паникой, словно потоком ледяной воды.

– Подозреваю, ей не до нас. – Уилкинсон уже влезал в кольчугу, с усилием натягивая тяжелое железное полотно через голову. – У двери мешок стрел, возьми. Отложил для тебя прямые. Ступай, парень, пусть эти мерзавцы кое-кого недосчитаются.

– А ты? – отозвался Хук, надевая сапоги – новые, сшитые умелым суассонским мастером.

– Догоню. Бери лук и вперед!

Хук застегнул пояс с ножнами, натянул на лук тетиву, подхватил мешок стрел и второй, оставленный стариком у двери, и вылетел во двор харчевни. Откуда-то неслись крики и вопли, во двор выскакивали лучники, и Хук, не успевая ничего сообразить, понесся вслед за ними к укреплениям, выстроенным за брешью. Церковные колокола рвали небо беспорядочным набатом, лаяли и выли псы.

Из доспехов на Хуке был подаренный Уилкинсоном старый шлем, торчавший на голове, как погнутый таз, а тело защищала лишь стеганая куртка, способная уберечь разве что от касательного удара меча. Остальным стрелкам, облаченным в короткие кольчуги и плотно прилегающие шлемы, выдали короткие налатники с червлёным бургундским крестом, и теперь одинаковые белые фигуры выстроились вдоль заграждения, спешно сложенного из ивовых корзин с землей. Никто пока не стрелял, лучники лишь напряженно вглядывались в брешь, озаряемую огненными вспышками. Кто-то из полусотни латников, собравшихся за заграждением, то и дело бросал в пробоину смоляные факелы.

Брешь оставалась пустой. Однако церковные колокола, возвещая нападение французов, продолжали неистово звонить. Хук обернулся. В небе над южными крышами поднималось зарево, бросающее огненные отблески на колокольню собора. Видимо, горели дома у Парижских ворот. Неужели французы наступают с юга?.. Парижские ворота защищал сэр Роджер Паллейр с латниками, и Хук в который раз удивился тому, что тот не вытребовал себе в подмогу ни одного английского стрелка.

Все англичане-лучники сейчас собрались у западной брешли, где французы так и не появились. Сентенар Смитсон, нервничая, крутил в пальцах серебряную цепь – знак его должности – и беспокойно переводил взгляд от зарева над южным пожаром обратно к брешли.

– Чертово дерьмо, – выругался он себе под нос.

– Что происходит-то? – спросил кто-то из стрелков.

– Мне откуда знать? – взорвался Смитсон.

– Французы, видно, уже в Суассоне, – тихо заметил Джон Уилкинсон, опуская принесенные вязанки стрел позади лучников.

В городе слышались вопли. Бургундские арбалетчики, защищавшие брешь, побежали к Парижским воротам, туда же двинулся кто-то из латников.

– Если враг в городе, нам надо укрыться в церкви, – неуверенно произнес Смитсон.

– Разве не в крепости? – требовательно спросил кто-то.

– Лучше в церкви, как велел сэр Роджер, – задумчиво ответил сотник. – Он дворянин, не нам чета. Знает, поди, что делает.

– Ага. А папа римский кудахчет и несет яйца, – не смолчал Уилкинсон.

– Уходить сразу? – раздался еще чей-то голос. – Сейчас?

Смитсон, ухватив в кулак серебряную цепь, молча глядел то на брешь, то на город.

Хук не отрывал глаз от пробоины. Сердце тяжело ухало в груди, дыхание сбивалось, правую ногу подергивало судорогой.

– Господи, помоги, – только и шептал он. – Иисусе милостивый, защити...

Молитва не успокаивала, мысли метались: враг напал на город, а может, и прорвался внутрь, ничего не известно, ты слаб и беспомощен... Колокола звенели чуть ли не в самом мозгу и сбивали с мыслей, широкая брешь в стене зияла чернотой, которую озаряли лишь слабые отблески гаснущих факелов, однако постепенно до Хука стало доходить, что в темноте движутся другие огни – серебристо-серые сполохи, мерцающие, как лунный туман, как призрачные тени, явившиеся на землю в канун Дня Всех Святых. Огни завораживали, казались во тьме тонким маревом, дымчатым облаком. Хук, ничего не понимая, в оцепенении следил за светящимися тенями. Вдруг серебристые призраки окрасились алым, и Хук содрогнулся от страха: мерцающие призраки – люди! Серые сполохи – факельный свет, отраженный стальными латами!

– Сотник! – завопил Хук.

– Что там? – рявкнул Смитсон.

– Эти сволочи уже здесь! – выкрикнул Хук.

То было правдой. Эти сволочи уже проходили сквозь брешь, в начищенных латах отражался свет факелов, над головой развевалось синее знамя с золотыми лилиями. Опушенные забрала, сверкающие бликами мечи. Не туманные призраки двигались сквозь тьму, а создания из железа и пламени, порождения адских видений, сама смерть, выходящая из мрака и вступающая в Суассон. Хук даже не пытался их пересчитать – враг был бесчислен.

– Дьявол подери! – потрясенно воскликнул Смитсон. – Остановить их!

Отступив к заграждению, Хук вынул из холщового мешка стрелу и наложил на цевье. Страх куда-то исчез или, скорее, притупился оттого, что появилось дело – выполнять приказ.

Большинству взрослых мужчин – даже латникам, закаленным войной и фехтовальными упражнениями, – не натянуть тетиву и наполовину, однако Хук обращался с луком легко. Рука пошла назад, глаза выбрали цель, и тетива запела прежде, чем Хук осознал, что выстрелил. Он уже вытягивал следующую стрелу, когда первая, с тяжелым древком и трехгранным наконечником, вонзалась в сияющий стальной панцирь, опрокидывая латника под ноги французскому знаменику.

Хук выстрелил снова, думая только о том, что нужно остановить нападение. Он пускал стрелу за стрелой, натягивая тетиву до правого уха, и не замечал, как левая рука неувлимыми движениями направляет стрелу в короткий путь от тетивы до жертвы. Не замечал, как его стрелы убивают и ранят; не замечал, как они отскакивают от доспехов и бесцельно падают наземь. Падали не многие: узкий наконечник на близком расстоянии пробивает доспех легко, особенно когда лук тяжел, а лучник силен. Джон Уилкинсон, который при первом знакомстве попытался выстрелить из Никова лука, едва сумел натянуть тетиву до подбородка. Ник был явно сильнее многих лучников – а любой лучник сильнее обычного человека, – и старик не мог скрыть уважительного взгляда. Теперь тот же длинный лук с утолщенной основой, вырезанный в далекой Савойе из тисового ствола, сеял смерть в наполненной колокольным звоном темноте. Лишь когда часть заграждения рухнула, Хук обернулся на шум и обнаружил, что из лучников он остался один. Сквозь брешь, устланную телами убитых и раненых, плотным потоком шли враги, пламенеющая факелами ночь наполнилась дымом и боевыми кличами. Теперь Хук вспомнил, как Джон Уилкинсон кричал ему, предупреждая о врагах и веля уходить, но Хук в пылу боя его не слышал.

Опомнившись, он подхватил мешок со стрелами и пустился бежать.

За спиной уже рушилось заграждение, толпа французов, перевалившись через остатки земляных корзин, с воплем устремилась в город.

Хук понял, что должен чувствовать олень, когда по кустам рыщут псы, охотники бьют в подлесок и между листьями свистят стрелы. Он часто задумывался, какова для животных смерть: страх, азарт сопротивления – и обессиливающий ужас последнего мига, когда охотники подступают, и неистово колотится сердце, и мечутся мысли... Ужас погнал Хука вперед. Где-то рядом иступленно били колокола, захлебывались воем псы, неслись боевые кличи, звал в атаку рог. Хук выскочил на тесную площадь, где обычно выставляют шкуры для продажи. Теперь она пустовала, однако откуда-то донеслись щелчки арбалетов и зажужжали стрелы. Горожане таились по домам, за крепкими засовами. Впрочем, засовы в эту ночь никого не спасали – с разных сторон неся громкий стук, солдаты высаживали двери.

«В крепость», – вспомнил Ник и помчался по улице что было сил, но за ближайшим углом, на соборной площади, чуть не наткнулся на освещенную факелами толпу латников в одежде с незнакомым гербом – и во весь дух припустил назад, словно олень от своры борзых. Решив было укрыться в церкви Сен-Антуан-лё-Пти, он понесся по проулку, свернул в другой, перебежал площадь перед главным женским монастырем, вывернул к харчевне «Гусь» – и увидел толпу солдат в одеждах с тем же неизвестным гербом, которые преграждали ему путь к церкви. При виде его раздался рев, переросший в торжествующий вопль, и за Хуком бросились бежать. Словно загнанный зверь, он в отчаянии кинулся в проулок, взлетел на стену, прыгнул в какой-то двор, откуда немилосердно несло нечистотами, перелез еще одну стену и, окруженный со всех сторон криками и дрожащий от страха, опустился на землю в темном углу, ожидая конца.

Так поступает затравленный олень: не видя иного выхода, он замирает, трепеща, в ожидании неминуемой смерти. Трепет охватил и Хука. «Лучше перерезать себе горло, чем попасть к французам», – вспомнил он слова Джона Уилкинсона. Хук нащупал на поясе нож, однако вытащить не смог: самоубийство было выше его сил. Оставалось ждать, когда его убьют.

Вдруг до него дошло, что за ним уже не гонятся. В Суассоне, обильном добычей и жертвами, одинокий беглец той ночью мало кого интересовал. Хук, постепенно придя в себя, обнаружил, что оказался на заднем дворе «Гуся», где днем мыли и чинили пивные бочки. Факел, сверкнувший из распахнутой двери, осветил, кроме бочек, деревянные козлы и подпорки, выглянувший во двор француз что-то успокоенно пробормотал и вернулся в харчевню, где визжала женщина.

Хук не посмел шевельнуться. Женский визг, грубый мужской хохот и детский плач заполняли сейчас весь Суассон. Рядом крадучись прошла кошка, церковные колокола уже давно перестали звонить. Хук знал, что долго здесь оставаться нельзя: на рассвете его увидят. «Боже, о Боже, – повторял он, не замечая, что молится, – будь со мной ныне и в мой смертный час...» Он вздрогнул: за стеной застучали копыта, раздался мужской смех. Где-то плакала женщина. По лунному диску бежали стремительные тучи. Хук почему-то вспомнил барсуков на Нищенском холме – и от уютного домашнего воспоминания сделалось не так страшно.

Он встал. Может, получится добраться до церкви? Туда ближе, чем к крепости, к тому же сэр Роджер обещал, что попытается спасти лучников... Как ни призрачна была надежда, кроме нее, ничего не оставалось. И Хук, подтянувшись на руках, осторожно глянул через стену. За ней начинались конюшни «Гуся», все было тихо. Со стены Хук ступил на крышу конюшни. Та подалась под его весом, однако выдержала. Пробираясь по самому коньку, он перелез к дальнему краю здания и там спрыгнул в темный проулок. Двигаясь медленно и бесшумно, он добрался до угла, откуда открывался вид на церковь.

И понял, что выхода нет.

Церковь Сен-Антуан-лё-Пти стерегли враги – десятка три латников и дюжина арбалетчиков в накидках с незнакомым гербом. Если Смитсон с лучниками внутри, им пока ничто не грозит: вход они сумеют отстоять. Однако было ясно, что французы никому не дадут уйти и уж точно никого не подпустят к церкви, особенно чужого стрелка. Можно попробовать добежать

до двери, но она наверняка заперта, а пока будешь стучать – станешь мишенью для арбалетчиков.

У французов, впрочем, были и другие занятия, кроме как стеречь церковь. Прикатив из ближайшей харчевни бочки, они принялись пьянствовать. Откуда-то притащили двух девчонок и, содрав с них одежду, распластали каждую поверх бочки, привязав поперек, и теперь стражники, подступая по очереди, задирали кольчуги и насиловали девушек, которые уже не издавали ни звука, словно истощив все слезы и стоны. Город наполнился женскими криками, мучительно терзающими мозг, как скрежет стального наконечника по аспидному камню. Наверное, потому Хук и не двигался, притаившись в углу, как загнанный зверь, которому некуда бежать и негде прятаться. Девушки не пытались шевелиться – Хук даже подумал, не мертвы ли, – но одна, лет двенадцати или тринадцати, вдруг повернула голову, и Хук, вспомнив Сару, виновато сжался. Пока стражник, навалившись на жертву, ерзал и хрюкал, девушка невидящим взглядом смотрела в темноту.

В проулке открылась дверь, Хука задел поток света. Выступивший из двери латник, качнувшись, упал на колени в грязь, его вырвало. Второй, в такой же накидке с серебряным пшеничным снопом на зеленом поле, захохотал было, стоя на пороге, но вдруг заметил Хука, увидел длинный боевой лук – и схватился за рукоять меча.

Ник в панике бросился вперед, целясь в латника концом лука. Его переполнял безмолвный крик, не было сил думать – в бросок он вложил всю силу, и острый роговой наконечник вонзился в горло латника прежде, чем тот успел достать меч. Брызнула черная кровь, древко пробило мышцы, дыхательное горло, сухожилия – и вонзилось в дверную раму. Второй латник зарычал и, по-прежнему исходя рвотой, вцепился в Хука. Тот, чуть не взыв от отчаяния, выпустил лук и набросился на нового противника. Пальцы вонзились в глазные яблоки, латник заверещал, и Хук, краем сознания понимая, что насильники на церковной площади не заставят себя ждать, протиснулся в дверь, чуть не споткнувшись о первого латника, который в корчах пытался вытащить лук из разодранного горла. Пробежав через комнату, Хук вылетел в следующую дверь, пронесся по коридору и выскочил во двор, там не задумываясь перемахнул через одну стену, другую... Позади и вокруг слышались крики. Ник совершенно обезумел от ужаса. Лук он бросил, стрелы потерял. С ним оставался только меч, какие выдавали каждому лучнику, хотя Хук ни разу не доставал его из ножен. На налатнике все еще красовался бургундский крест – Хук тщетно попытался его содрать, не переставая озираясь в поисках выхода, затем перелез через каменную стену в узкий проулок, затененный высокими зданиями, увидел в темноте открытую дверь и вбежал в дом.

Его встретил пустой зал с гаснущим светильником. На подушках, разбросанных поверх деревянной скамьи, валялся мертвец. Каменные плиты пола заливала кровь. У завешенной гобеленом стены стояли шкафы и длинный стол со счетами и листами пергамента, наколотыми на длинный стержень. Убитый, очевидно, был купцом. Приставная лестница в углу вела на второй этаж, где Хук обнаружил отделанную гипсом спальню с деревянной кроватью, покрытой периной и одеялами. По следующей лестнице он поднялся на чердак, подтянул за собой лестницу и подсадовал, что не проделал то же с первой. Не рискуя сунуться обратно в комнату, он затаился под тростниковой крышей на полу среди помета, оставленного летучими мышами. Его по-прежнему била дрожь. Где-то внизу раздавались громкие мужские голоса. На миг ему показалось, что его вот-вот найдут. Кто-то даже забрался в спальню под ним, однако лишь бегло оглядел комнату и скрылся. Остальным то ли наскучили поиски, то ли подвернулась другая добыча. Возбужденные голоса на время стихли. Правда, женские крики не прекращались и даже стали громче. Хуку почудилось, будто прямо у дома собралась целая толпа вопящих женщин, и он вновь содрогнулся, вспомнив Сару, и священника сэра Мартина, и латников на соборной площади, со скучающим видом насиловавших двух безмолвных жертв.

Вопли переросли в рыдания, прерываемые лишь мужским хохотом. Хука трясло – не от озноба, а от страха и вины. Внезапно сквозь грубые доски пола просочился свет: в спальню внесли светильник. Хук вжался в угол под стропилами. Латник, влезший в комнату по лестнице, сказал что-то оставшимся внизу. Раздался крик женщины, послышался звук пощечины.

– А ты хороша, красотка!

Перепуганный Хук даже не обратил внимания, что латник говорил по-английски.

– Non!² – послышался плачущий женский голос.

– Слишком хороша, чтоб делиться. Будешь моей!

Сквозь щель в полу Хук поглядел вниз: широкие отвороты шлема загораживали лицо латника, женщина – монахиня в белом – вжалась в угол комнаты.

– Jésus! – плакала она. – Marie, mère de Dieu!³

Последнее слово перешло в вопль: латник достал нож.

– Non! – закричала монахиня. – Non! Non! Non!

Мужчина в шлеме ударил ее посильнее, девушка умолкла. Рывком поставив ее на ноги, латник поднес нож к ее горлу, резанул одеяние от ворота и дальше вниз, как монахиня ни сопротивлялась, затем отбросил в сторону белое платье и принялся за рубаху. Швырнув изрезанные одежды на нижний этаж, он толкнул обнаженную девушку на перину, где она, рыдая, сжалась калачиком.

– Вот уж порадовался Бог в тот день, ничего не скажешь! – произнес чей-то голос, хотя рядом никого не было.

Голос звучал лишь в голове Хука. И хотя слова эти некогда сказал ему Джон Уилкинсон, голос был чужим – более глубоким и мягким, и Хук вдруг словно наяву увидел улыбающегося человека в белых одеждах, держащего в руках поднос с яблоками и грушами. Криспиниан – тот святой, которому он возносил больше всего молитв в Суассоне... Теперь ответ на молитвы звучал в голове Хука, и видимый внутренним взором святой устремлял на него взгляд, полный печали. Хук понял, что Небо дает ему шанс что-то исправить. Монахиня взывала к Богоматери, и та, наверное, обратилась к суассонским святым, которые теперь и говорили с Хуком... Он испугался. Он вновь слышал голоса. Он даже не заметил, что стоит на коленях, – и неудивительно, ведь через святого Криспиниана с ним говорил сам Господь...

Николас Хук, законопреступник и лучник, понятия не имел, как поступать, когда с тобой говорит Господь. И потому его объял страх.

Латник в нижней комнате сбросил шлем, отстегнул и отбросил пояс с ножнами, что-то прорычал девушке и принялся стаскивать через голову кольчугу вместе с накидкой, на которой Хук, глядя вниз сквозь щели в грубых досках, разглядел герб, как у сэра Роджера Паллейра: три ястреба на зеленом поле. Откуда в Суассоне такой герб? Ведь здесь насилуют и грабят победоносные захватчики, а не побежденные стражи города! И все же три ястреба несомненно принадлежали гербу сэра Роджера.

– Давай! – велел святой Криспиниан.

Хук не сдвинулся с места.

– Давай! – прорычал Хуку святой Криспин, явно настроенный не так дружелюбно, как Криспиниан, и от его резкого голоса Хук вздрогнул.

Мужчина внизу – то ли сэр Роджер, то ли кто-то из его латников – стягивал с себя тяжелую кольчугу с кожаной подкладкой: голова наполовину закрыта, руки заняты.

– Ради бога! – воззвал к Хуку Криспиниан.

– Действуй, парень! – рявкнул святой Криспин.

– Спасай свою душу, Николас, – шепнул Криспиниан.

² Нет! (*фр.*)

³ Иисус! Мария, Матерь Божья! (*фр.*)

И Хук ринулся спасать свою душу.

Спрыгнув через отверстие в чердачном полу, он забыл про меч и выхватил крепкий, с толстым обухом нож, которым свеживал оленей. Хук оказался позади латника. Тот его не видел из-за кольчуги, натянутой на голову, но обернулся на шум – и налетел точно на нож Хука, взрезавший ему брюхо. Лучник Николас Хук вложил в удар всю силу правой руки, клинок ушел в тело по рукоять, и кишки выплеснулись наружу, как мокрые угри из прохудившегося мешка. Латник придушенно взвыл под застрявшей на голове тяжелой кольчугой и тут же застонал снова. Хук ударил еще раз, и погруженный в тело нож, пройдя вверх под грудную клетку, достал до сердца.

Неудавшийся насильник рухнул на кровать, умерев раньше, чем коснулся перины.

Лучник, опустив окровавленную по локоть руку, воззрился на жертву.

Позже Ник осознал, что пуховая перина спасла ему жизнь: в нее впиталась кровь убитого, которая иначе пролилась бы сквозь доски пола, напугав остальных двоих. Те, одетые в накидки с гербом сэра Роджера, как раз потрошили буфет в нижнем этаже и не заметили свершившегося наверху убийства.

Отступив от отверстия в полу, Хук заметил, что налатник убитого был из тонкого льна, не то что у рядовых воинов. На плотной, тщательно начищенной кольчуге болтались пряжки для пристегивания лат. Наклонившись, Хук стянул кольчугу с головы жертвы и обнаружил, что убил самого сэра Роджера Паллейра. Если сэру Роджеру, считавшемуся союзником бургундцев, была дана свобода насиловать и грабить в захваченном французами городе – значит сэр Роджер тайно служил французам.

Пока лучник пытался осмыслить такое предательство, девушка глядела на него распахнутыми от ужаса глазами. Хук, побоявшись, что она закричит, приложил палец к губам, однако она помотала головой и вдруг то ли завсхлипывала, то ли застонала. Хук вначале недоуменно нахмурился, но тут же понял, что тишина выглядела бы более подозрительной, чем женские всхлипы. «Умница», – подумал он. Кивнув девушке, он срезал с пояса сэра Роджера залитый кровью кошель и вместе с отодранным от кольчуги налатником забросил его на чердак, затем ухватился за потолочную балку, подтянулся наверх и подал правую руку монахине.

Та отвернулась, и Хук было шикнул, чтоб она не медлила, но девушка знала, чего хочет: подступив к сэру Роджеру, она плюнула на его труп, плюнула еще раз – и только тогда ухватилась за руку Ника. Он вытянул девушку наверх так же легко, как натягивал лучную тетиву. На чердаке он кивнул монахине на кошель и налатник, та подобрала их и двинулась вслед за Хуком, который пробил легкую плетеную перегородку и шагнул на соседний чердак. Осторожно ступая в темноте, он добрался до самой дальней стены и только здесь, за три дома от той комнаты, где убил сэра Роджера, остановился. Жестом приказав монахине притаиться в углу, он потянулся к соломенной крыше, стараясь не шуметь.

Около часа ушло на то, чтобы осторожно обвалить солому по краю и оторвать несколько слабых стропил от главной балки. Теперь все выглядело так, будто часть крыши просто обрушилась. И Хук с девушкой, забравшись под солому и доски, притихли в своем наскоро устроенном убежище.

Оставалось только ждать. Монахиня временами заговаривала, однако Хук, так и не выучившийся здесь французскому, ее не понимал и делал знак молчать. Через некоторое время она, прислонившись к нему, задремала. Во сне она всплакивала, Хук неумело пытался ее успокоить. Надетый на девушке налатник сэра Роджера еще был влажным от крови. В кошеле Ник нашел золотые и серебряные монеты – вероятно, плату за предательство.

Рассвет выдался дымным и серым. Тело сэра Роджера обнаружили еще до восхода, поднялся крик и переполох, в домах внизу забегали люди, но сооруженное Хуком убежище оказалось надежным: никому не пришло в голову заглядывать под груды соломы и обрушенных досок. Девушка проснулась, лучник приложил палец к ее губам, она вздрогнула и прильнула

к нему. Хук по-прежнему испытывал страх, который стал больше похож на покорность. Присутствие девушки почему-то успокаивало, словно возвращая надежду, утраченную прошлой ночью. Двое суассонских святых, должно быть, по-прежнему его хранят... Хук, перекрестившись, вознес благодарность Криспину и Криспиниану. Те в ответ молчали, ведь он уже исполнил их приказ. Интересно, чей голос он слышал в Лондоне – вряд ли Криспиниана. Кто же с ним говорил? Бог?.. Однако до Хука вдруг дошло нечто более важное: сегодня ему удалось то, к чему он оказался не способен в Лондоне! В нем опять затеплилась надежда на искупление, на спасение – слабая, как огонек свечи на беспощадном ветру, но все же совершенно ясная.

Когда солнце поднялось над собором, притихший было город вновь огласился воплями, стонами и криком. Сквозь дыру в обваленной соломе Хук видел тесную площадь перед церковью Сен-Антуан-лэ-Пти, там по-прежнему толпились арбалетчики с латниками, хотя девушек, привязанных к бочкам, уже убрали. Пегий пес обнюхивал труп монахини в задранной до шеи рясе, вокруг пробитой головы разливалась лужа черной крови. Гарцевавший рядом француз, перекинув через седло нагую девушку, в две руки отбивал на ней такт, словно стучал в барабан, – к шумному удовольствию окружающих.

Хук ждал. Мочевой пузырь давно переполнился, но шевелиться было нельзя, пришлось замочить штаны. Девушка, почуяв запах, поморщилась, однако тоже не сумела утерпеть. Она тихо заплакала, и Хук прижал ее лицом к себе. Она что-то прошептала, он шепнул слово в ответ. Никто никого не понял, однако обоим стало спокойнее.

По площади застучали копыта, сквозь дыру в соломе Хук разглядел десятка два всадников, подъехавших к церкви, – все в латах, но без шлемов; один держал в руке знамя с золотыми лилиями на лазоревом поле, окаймленном червлено-белой полосой. За конными воинами шли пешие.

Накидку одного из всадников украшал зеленый герб с тремя ястребами. Должно быть, латник-англичанин служил сэру Роджеру. Он пришпорил коня и, подъехав к церкви, свесился с седла, постучал в дверь коротким копьем и что-то крикнул. Всадника явно сочли своим. Церковная дверь тотчас приоткрылась, из нее выглянул сентенар Смитсон.

Переговорив с всадником, Смитсон надолго исчез в церкви. Хук уже терялся в догадках, как вдруг церковная дверь отворилась, и на площадь один за другим осторожно потянулись лучники. Видимо, сэр Роджер сдержал-таки обещание. Хук, сидя наверху под разваленной крышей, начал лихорадочно соображать, нельзя ли выбраться на площадь, где лучники уже выстраивались перед англичанином. Английских стрелков французы ценили, сэр Роджер и впрямь мог договориться о помиловании... Теперь люди Смитсона, оставляя луки, стрелы и мечи у дверей церкви, становились на колени перед незнакомым всадником в золотой короне и сияющих латах. Восседая на коне, крытом синей с золотыми лилиями попоной, он поднял руку, словно даруя освобожденным стрелкам милостивое благословение. Среди лучников Хук разглядел Джона Уилкинсона – тот единственный из всех держался поближе к церкви.

«Если выскочить на улицу, – пронеслось в голове Хука, – успею добежать к своим».

– Нет, – тихо произнес внутри его святой Криспиниан.

Хук вздрогнул, девушка вцепилась в него крепче.

– Нет? – вслух прошептал Хук.

– Нет, – подтвердил святой Криспиниан.

Девушка что-то спросила у Хука.

– Я не тебе, детка, – шепнул он, сделав знак молчать.

Сине-золотой всадник, высоко воздев руку в латной перчатке, задержал ее на несколько мгновений – и резко опустил.

И началась бойня.

Спешенные латники, выхватив мечи, бросились на лучников – те стояли на коленях, и первых удалось убить быстро. Остальные стрелки, успев выхватить ножи, кинулись драться, но

против мечей и доспехов нож бессилен, и латники окружили стрелков почти сразу. Всадник с гербом сэра Роджера заметил, как Джон Уилкинсон потянул меч из груди оружия у церковной двери. Тут же старика пронзило французское копье, второй латник полоснул его по горлу мечом, и кровь Уилкинсона фонтаном брызнула на изображения ангелов и рыб, вырезанные на каменной церковной арке. Кого-то из лучников взяли живыми, повалили на колени и оставили под присмотром ухмыляющихся французов.

Коронованный всадник повернул коня и поскакал прочь, сопровождаемый знаменщиком, оруженосцем, пажом и конными латниками, среди которых был и англичанин в накидке с тремя ястребами. Вслед неслись крики лучников о пощаде.

Французы не могли забыть своих поражений и ненавидели английских стрелков с их длинными боевыми луками. В битве при Креси французы, пользуясь численным превосходством, загнали англичан в ловушку и пошли в наступление, мечтая избавить мир от дерзких захватчиков, но были остановлены лучниками – оперенная смерть тогда летела с неба градом, неся гибель и поражение доблестным рыцарям. Позже, при Пуатье, французское рыцарство было разбито лучниками в прах, вечером того же дня попал в плен сам король Франции. Поражений от лучников не удавалось избежать и после, поэтому пощада им не грозила.

Хук с девушкой прислушивались к звукам. Стрелкам, которых оставалось три-четыре десятка, теперь отрубали пальцы – ухмыляющийся толстяк-француз, орудуя стамеской и молотом, отнимал у них по два пальца с правой руки, чтоб стрелок уже не смог натянуть тетиву. Кто-то сносил мучение безмолвно, кого-то к бочке, на которой раскладывали руку, приходилось тащить силой. Хук думал, что все этим и кончится, однако расправа только началась. Французам мало было одних пальцев, они жаждали крови и смерти.

За действием наблюдал рослый всадник с длинными черными волосами, падавшими ниже стального оплечья. Зрением лучника, острым, как у ястреба, Хук разглядел красивое загорелое лицо с прямым носом, крупным ртом и длинным щетинистым подбородком. На налатнике, надетом поверх доспехов, красовалось золотое солнце со змеящимися лучами и орлиной головой на фоне солнечного диска.

Девушка его не видела. Уткнувшись лицом в плечо Хуку, она вздрагивала при каждом крике боли, доносившемся с площади, где французы продолжали мстить англичанам за былые поражения.

Хук смотрел на площадь. Было понятно, что высокий всадник с орлом на солнечном диске властен прекратить мучения и убийства, однако тот, восседая на рослом жеребце, бесстрастно следил, как французы, сорвав одежду с оставшихся в живых лучников, выкалывали им глаза кинжалами и со смехом ковыряли острым клинком глазницы. Кто-то из французов сделал вид, что пожирает чей-то глаз, вокруг захохотали. Длинноволосый не смеялся, лишь холодно наблюдал, как слепых лучников раскладывают на брусчатке, чтобы оскотить, и слушал, как их крики сливаются с общим воплем, наполнявшим город. И только когда охолостили последнего слепого лучника, великолепный всадник повернул великолепного коня прочь от площади, где стрелков оставили истекать кровью под летним небом. Умирали они долго, и Хука не отпускал озноб, несмотря на жару. Святой Криспиниан молчал. Среди лучников корчилась от боли женщина с отрезанной грудью. Проходивший мимо латник, которому наскучил ее плач, буднично раскрыл ей череп боевым топором. Рядом с умирающими рыскали псы.

Город грабили весь день. Собор, приходские церкви, женский и мужской монастыри перевернули вверх дном, женщин и детей насиловали, мужчин убивали. Бог отвратил лицо от Суассона. Мессир де Бурнонвиль был казнен. Ему повезло: перед смертью его не мучили. Крепость, где все надеялись укрыться, пала сразу и без боя. Французов, предательски впущенных в город сэром Роджером, ждали открытые крепостные ворота и поднятые решетки. Из всего бургундского гарнизона в живых оставили лишь предателей – соучастников сэра Роджера, а

горожанам, которые хранили верность королю Франции и никогда не поддерживали бургундцев, французы отплатили грабежами, насилием и поголовной резней.

– Je suis Melisande⁴, – в который раз повторила девушка, и до Хука, не понимавшего ее слов, наконец дошло, что она называет себя по имени.

– Мелисанда? – переспросил он.

– Oui⁵, – кивнула монахиня.

– Николас.

– Николас, – повторила она.

– Просто Ник.

– Простоник?

– Ник.

– Ник, – кивнула девушка.

Среди криков и воплей, что неслись из залитого пивом и кровью города, оставалось только перешептываться и ждать.

– Понятия не имею, как отсюда выбираться, – шепнул Хук Мелисанде.

Та не поняла, но все равно кивнула. Вскоре она задремала, прижавшись головой к его плечу.

Хук закрыл глаза. «Помоги нам спастись из Суассона, – попросил он Криспиниана. – Помоги добраться домой». Если у преступника, объявленного вне закона, есть дом, подумал он с внезапным отчаянием.

– Ты вернешься домой, – ответил святой Криспиниан.

Хук вздрогнул – как же святой с ним говорит? Или голос ему лишь мерещится? Однако голос звучал так же отчетливо, как предсмертные крики лучников на площади. Интересно, как можно уйти из Суассона, ведь французы наверняка стерегут все ворота...

– Через брешь, – тихо посоветовал святой Криспиниан.

– Будем выбираться через брешь, – поведал Хук спящей Мелисанде.

Ближе к ночи Хук заметил на площади свиней. Их никто не удерживал в загонах, и голод пригнал животных на площадь, где они принялись пожирать трупы лучников. Суассон слегка притих: пресыщенные победители уже не так рьяно кидались на тела, вино и пиво. Взошла луна, однако Господь послал высокие облака, которые затуманили, а потом и вовсе скрыли серебристый диск. И в полуночной тиши, нарушаемой храпом из разрушенных домов, Хук с Мелисандой выбрались на зловонную улицу.

Брешь никто не охранял. Мелисанда, закутанная в окровавленный налатник сэра Роджера, держалась за руку Ника. Они перелезли через рассыпанные у пробоины камни, прошли мимо вонючих красильных ям, свернули к холму у оставленного французами лагеря и поднялись дальше к лесным зарослям, где наконец-то не было ни кровавого смрада, ни гниющих трупов.

Суассон погиб.

Хук и Мелисанда выжили.

– Со мной говорят святые, – сказал он ей на рассвете. – По крайней мере, Криспиниан. Второй посуровее, тот больше молчит.

– Криспиниан, – повторила Мелисанда, обрадовавшись знакомому слову.

– Он добрый, за мной приглядывает. И за тобой тоже! – внезапно осенило Хука, и он улыбнулся девушке. – Добыть бы тебе одежду, детка. Не в налатнике же ходить.

⁴ Меня зовут Мелисанда (*фр.*).

⁵ Да (*фр.*).

Мелисанда, правда, была хороша даже в налатнике. Хук заметил это только наутро, в буковом лесу на гребне холма, когда просеянный листвою солнечный свет лучился сквозь зелень легкими золотыми стрелами, освещая тонкое, нежно очерченное лицо в обрамлении черных как ночь волос. Серые глаза ее мерцали, словно лунные блики; решительный подбородок, как еще предстояло убедиться Хуку, свидетельствовал о твердом нраве. Хрупкое с виду тело было сильным и выносливым, крупный выразительный рот теперь не закрывался ни на минуту: последние несколько месяцев (как вскоре выяснит Хук) Мелисанда прожила послушницей в монастыре, где запрещено разговаривать, и теперь она словно отыгрывалась за то принудительное безмолвие. Ее щебет завораживал, хотя Хук не понимал ни слова.

В первый день они опасались выходить из леса. На равнине то и дело показывались всадники. Победители, завоевавшие Суассон, теперь выезжали на охоту или просто размяться. С немногими беглецами, сумевшими уйти из Суассона и бредущими на юг, всадники не связывались, однако Хук предпочитал не рисковать и отсиживался в лесу. Он решил пробираться на запад, в Англию. Больше идти было некуда, хотя ему, объявленному вне закона преступнику, Англия грозила опасностью не меньше, чем Франция.

Их с Мелисандой ночной путь освещала луна, еду приходилось воровать. Чаще всего Хуку удавалось добыть ягненка, несмотря на то что овец стерегли псы. Должно быть, Хука охранял святой Криспин с пастырским посохом, и собаки ни разу не подняли шума. Хук приносил ягненка к костру, разводил огонь и жарил мясо.

– Иди дальше без меня, если надо, – сказал он как-то утром Мелисанде.

– Иди? – не поняла она и нахмурилась.

– Если хочешь, детка. Можешь идти. – Он неопределенно махнул рукой на юг.

Наградой ему был негодующий взгляд и бурный поток французских слов, из которого, вероятно, следовало, что Мелисанда останется с ним и дальше. Она и вправду осталась, к радости и заодно к большому беспокойству Хука. Он не видел для себя никакого будущего, даже если повезет выбраться из Франции. Он молился святому Криспиниану в надежде, что тот поможет ему и в Англии, если Хуку суждено до нее добраться, однако святой Криспиниан молчал.

Вместо ответа он послал Хуку и Мелисанде священника – приходского кюре, который, увидев спящих беглецов в ольховой роще у реки Уазы, сжалился над ними и привел к себе, чтобы накормить. Отец Мишель, обыкновенно мрачный и угрюмый, немного говорил по-английски. Когда-то он служил капелланом у французского сеньора, державшего в своем поместье пленника-англичанина, и с тех пор ненавидел всех власть имущих, будь то король, епископ или сеньор. Движимый былой ненавистью, он помогал теперь английскому лучнику.

– Тебе надо в Кале, – сказал он как-то Хуку.

– Я вне закона, святой отец.

– Вне закона? – не сразу понял кюре, о чем речь, а затем отмахнулся. – А, *proscrit*?⁶ Англия тебе родная. Она ведь велика? Поезжай домой и живи в другом месте – не там, где провинился. А что ты натворил?

– Ударил священника.

Отец Мишель засмеялся и хлопнул Хука по спине:

– Молодец! Неужели епископа?

– Нет, просто священника.

– В следующий раз бей епископа!

Отрабатывая стол и кров, Хук колол дрова, чистил канавы, вместе с отцом Мишелем перестилал соломенную кровлю на коровнике, Мелисанда помогала хозяйке со стиральной и штопкой.

⁶ Изгнанник (*фр.*).

– Деревенские тебя не выдадут, – уверил Хука священник.

– Почему?

– Меня бояться. Я ведь могу отправить в ад, – мрачно ответил тот.

Отец Мишель любил поболтать с Хуком, чтобы вспомнить английский. Однажды, под-
резая грушевые деревья за домом, Хук сбивчиво рассказал ему, что слышит голоса.

– Может, дьявольские нашептывания? – предположил священник, перекрестившись.

– Сам того боюсь, – признался Хук.

– И все-таки вряд ли, – тихо произнес отец Мишель. – Не много ли веток срезаешь?

– Дерево уж больно заросло. Надо было обрезать еще прошлой зимой, а теперь точно
не повредит. Вам ведь нужны груши? Значит, нельзя, чтобы дерево дичало. Тут надо резать и
резать, а когда покажется, что хватит, – убрать еще столько же!

– Резать и резать, да? Если на следующий год останусь без груш, буду знать, что ты послан
дьяволом.

– Со мной говорит святой Криспиниан, – продолжил Хук, отсекая еще ветку.

– С Божьего соизволения, – вновь перекрестился священник. – Значит, с тобой говорит
сам Господь. Хорошо, что со мной никто не говорит.

– Хорошо?..

– Те, кто слышит голоса, или святы, или годны на костер.

– Я не святой, – ответил Хук.

– Зато тебя избрал Господь. А выбор у Него порой странен, – засмеялся отец Мишель.

Священник беседовал и с Мелисандой. Тогда Хук узнал, что она родилась от сеньора –
кюре назвал его сеньор д'Анфер – и молоденькой служанки.

– Твоя Мелисанда – незаконная дочь вельможи, рожденная на беду, как многие.

Высокородный отец устроил девушку послушницей в монастырь, где ее поставили мыть
посуду на кухне.

– Вот так господа и прячут грехи, – горько заметил отец Мишель. – Запирают незаконных
детей в тюрьму.

– В тюрьму?

– Она не хотела в монастырь. Знаешь ее имя?

– Мелисанда.

– Мелисандой звали королеву Иерусалима, – улыбнулся отец Мишель. – А твоя Мели-
санда тебя любит.

Хук не ответил.

– Береги ее, – строго наказал кюре на прощание, когда Хук с Мелисандой двинулись
далее в путь.

Шли переодетыми. Чтобы скрыть широкие плечи Хука, отец Мишель дал ему белый
балахон кающегося грешника, а в руки сунул трещотку из трех кусков доски на кожаном
шнуре, как у прокаженных. Мелисанда, в таком же в белом балахоне и с неровно острижен-
ными волосами, шла впереди лучника, словно они были пилигримами, бредущими на северо-
запад в поисках исцеления. Жили милостыней, которую крестьяне бросали издалека, опасаясь
подходить к Хуку – тот звуками трещотки неустанно оповещал всю округу о прокаже. Шли по-
прежнему осторожно, избегая больших селений и держась подальше от дымного пятна, клу-
бившегося вокруг Амьена. Спали в лесах, в хлеву, в стогах, их поливали дожди и согревало
солнце, а в один из дней, на берегу реки Канш, они стали любовниками. Мелисанда после этого
молчала, однако льнула к Хуку, и тот не замедлил вознести благодарственную молитву святому
Криспиниану, который, по обыкновению, не ответил.

На следующий день дорога повела их на север, через поле между двумя лесными опуш-
ками. На западе за деревьями маячила небольшая крепость, справа виднелась полуразрушен-
ная избушка лесника, поросшая мхом. Переливалось колосьями ячменное поле под ветром,

переливалась над ним песнь жаворонков, и Хук с Мелисандой задремали, сморенные зноем позднего лета.

– Что вы здесь делаете? – раздался вдруг резкий оклик.

Богато одетый всадник с соколом на руке смотрел на них с опушки леса. Мелисанда, встав на колени, смиренно склонила голову:

– Я веду брата в Сен-Омер, господин.

Всадник, принадлежал он к господам или нет, заметил трещотку Хука и резко отвернул коня.

– Зачем?

– Попросить благословения у святого Одомара, господин.

Отец Мишель сказал им, что в Сен-Омер, стоящий рядом с Кале, стекается немало паломников, ищущих исцеления у святого Одомара, и упоминать Сен-Омер намного безопаснее, чем признаваться, что идешь в завоеванный англичанами Кале.

– Храни вас Бог, – нехотя пробормотал всадник и бросил на землю монету.

– Господин! – окликнула его Мелисанда, и тот осадил коня.

– Что?

– Как называется это место, господин? И далеко ли до Сен-Омера?

– День пути, а то и больше. – Всадник подобрал поводья. – И что за нужда знать названия?

Вы о здешних местах никогда не услышите!

– Конечно, господин.

Всадник, глянув на Мелисанду, пожал плечами.

– Вон та крепость, – показал он на запад, где за деревьями виднелась стена с бойницами, – зовется Азенкур. Желаю исцеления твоему брату.

Он пришпорил коня и поскакал дальше по ячменному полю.

До Кале путники добрались к концу четвертого дня. Шли медленно, стараясь не наткнуться на французские дозоры вокруг занятого англичанами города. На мост, от которого начиналась городская дорога, они ступили только ночью, и их сразу окликнула стража.

– Я англичанин! – крикнул Хук и, держа Мелисанду за руку, осторожно ступил в освещенное факелами пространство перед ведущими на мост воротами.

– Откуда ты, парень? – спросил седой воин в плотно облегающем голову шлеме.

– Мы бежали из Суассона.

– Бежали из... – Воин, шагнув вперед, взгляделся в Хука и его спутницу. – Боже милостивый! Входите, входите!

Хук переступил порог калитки, вырезанной в створке ворот, и они с Мелисандой оказались на территории Англии, где он считался преступником вне закона.

Святой Криспиниан сдержал обещание – Хук вернулся домой.

Глава третья

В главном зале крепости Кале было зябко даже летом. Толстые каменные стены не пропускали тепло, поэтому диваны в зале стояли рядом с жарко растопленным камином. Каменные плиты пола под ними покрывал большой ковер, на котором спали полдюжины собак. На расставленных вдоль стены стойках ждали своего часа мечи и копья с железными наконечниками, между потолочными балками перепархивали воробьи, сквозь раскрытые ставни слышался нескончаемый шелест прибоа.

Имени командующего гарнизоном – крупного чернобородого мужчины, сидящего на диване вместе с изящной дамой, – Хук не запомнил: слова скользнули мимо, и теперь он не знал, как к кому обращаться. Шестеро латников, выстроившихся позади командующего, враждебно и настороженно глядели на Хука с Мелисандой, стоящих на коленях за краем ковра, на каменном полу.

– Не понимаю, – гнусаво провозгласил священник, прохаживаясь по бордюру ковра, – не понимаю, почему ты бросил службу у лорда Слейтона.

– Потому что я отказался убить девушку, святой отец, – объяснил Хук.

– Ее смерти хотел лорд Слейтон?

– Нет, его священник.

– Сынок сэра Джайлса Фэллоби, – отозвался с дивана командующий; судя по тону, сэра Мартина он явно недолюбливал.

– Итак, служитель Господа определил девице умереть, – не замечая его слов, угрожающе продолжал священник, – а ты все решил по-своему?

– Она была совсем девочкой, – ответил Хук.

– Весь грех в мире появился из-за женщины! – с яростной готовностью подхватил священник.

Изящная дама приложила ко рту бледную узкую руку, чтобы скрыть зевок, и погладила собачку на коленях – клубок белоснежного меха с озорными глазками.

– Какая тоска, – произнесла она, ни к кому не обращаясь.

Наступила долгая тишина. Пес, дремавший у дивана, заскулил, и чернобородый командующий наклонился потрепать его по голове.

– Спросите про Суассон, святой отец, – велел он.

– Я так и собирался, сэр Уильям.

– Значит, собирайтесь скорее, – холодно молвила дама.

– Ты объявлен вне закона? – вместо этого спросил священник и, не получив ответа, повторил вопрос громче.

Хук по-прежнему молчал.

– Отвечай! – прикрикнул на него сэр Уильям.

– Очевидно, такое молчание красноречивее всякого ответа, – заметила дама. – Спросите его о Суассоне.

От ее властного тона священника передернуло, однако он повиновался.

– Расскажи, что произошло в Суассоне, – велел он, и Хук вновь описал, как французы вошли в город через южные ворота, как они насиловали и убивали, как сэр Роджер Паллейр предал английских лучников.

– И спасся лишь ты один? – ядовито осведомился священник.

– Мне помог святой Криспиниан.

– О! Сам святой Криспиниан? – повел бровью священник. – Как любезно с его стороны!

Кто-то из латников сдавленно хохотнул, остальные не скрывали неприязненных взглядов. Недоверие сгустилось вокруг коленопреклоненного стрелка так же плотно, как дым вокруг

широкого камина. Еще один латник, не отрывая глаз от Мелисанды, что-то шепнул соседу, тот захихикал.

– А может, тебя отпустили французы? – резко бросил священник.

– Нет, – мотнул головой Хук.

– Тебя прислали намеренно?

– Нет!

– Чтобы счесть войско, хватит и простого лучника, и если наш государь соберет армию, французы захотят узнать ее численность.

– Нет! – повторил Хук.

– Значит, тебя отпустили, а в награду дали шлюху? – не отставал священник.

– Она не шлюха! – разозлился Хук под откровенными ухмылками латников.

Мелисанда, до сих пор не раскрывавшая рта из робости перед стражами в доспехах, перед спесивым священником и томной дамой, полулежащей на подушках, наконец обрела дар речи. Вряд ли она поняла слова священника, однако его тон не оставлял сомнений, и Мелисанда, выпрямившись, вдруг заговорила дерзко и решительно. В ее беглой французской речи Хук едва ли улавливал одно слово из сотни. Говорила она так страстно и возмущенно, что остальные, очевидно знающие французский, слушали не перебивая – ни командующий, ни священник даже не пытались ее остановить. Она явно рассказывала о падении Суассона, и когда ей на глаза навернулись слезы и потекли по щекам, она возвысила голос и теперь бросала слова в лицо священнику, словно желая пригвоздить его к месту. Вскоре она иссякла и, указав на Хука, опустила голову и разрыдалась.

На несколько мгновений повисла тишина. Какой-то человек в кольчуге шумно распахнул дверь зала, увидел внутри людей и так же шумно ушел. Сэр Уильям задумчиво посмотрел на Ника.

– Ты зарезал сэра Роджера Паллейра? – прямо спросил он.

– Да, я его убил.

– Для преступника, объявленного вне закона, это заслуга, – твердо вымолвила жена сэра Уильяма. – Если девушка говорит правду.

– Если, – встрял священник.

– Я ей верю, – бросила дама, поднимаясь с дивана.

Подхватив собачку одной рукой, она подошла к краю ковра и наклонилась поднять Мелисанду. Держа ее под локоть, она тихо заговорила с девушкой по-французски и повела в дальний конец зала, где виднелась скрытая драпировкой дверь.

Сэр Уильям дождался, пока жена не уйдет, и встал.

– Полагаю, святой отец, лучник говорит правду, – решительно произнес он.

– Может, и так, – снизошел священник.

– Я уверен, что он не лжет, – настойчиво повторил сэр Уильям.

– Не проверить ли? – Святой отец чуть не потирал руки от предвкушения.

– Вы намерены его пытать? – потрясенно спросил его командующий.

Тот слегка поклонился.

– Истина священна, милорд. *Et cognoscetis veritatem, et veritas liberabit vos!* – процитировал он по-латыни и, осенив себя крестом, перевел: – И познаете истину, и истина сделает вас свободными!

– Я и так свободен, – бросил чернобородый командующий. – Не наше дело исторгать истину из ничтожного лучника. Оставим это другим.

– Разумеется, милорд, – согласился священник, едва скрывая досаду.

– Значит, вам известно, куда его следует направить.

– Конечно, милорд.

– Так позаботьтесь об этом. – Обернувшись к Хуку, сэр Уильям велел ему встать. – Французов убивал?

– Многих, мой господин, – ответил Хук, припомнив стрелы, летевшие в полуосвещенную брешь.

– Похвально, – сухо отозвался командующий. – Однако смерть сэра Роджера Паллейра делает тебя либо героем, либо преступником.

– Я лучник, – решительно произнес Хук.

– Лучник, – сурово кивнул сэр Уильям, вручая ему серебряную монету. – Лучник, чей рассказ должны услышать за проливом. Из Суассона доносилась лишь молва, ты первый принес подтверждение.

– Если он там был, – злобно вставил священник.

– Вы слышали, что говорила девушка! – осадил его сэр Уильям и вновь обратился к Хуку: – Расскажи в Англии, что видел.

– Я объявлен вне закона, – неуверенно возразил Хук.

– Делай что велено, – оборвал его командующий. – Ты едешь в Англию.

Так Хук с Мелисандой оказались на корабле. Леди Бардольф, жена сэра Уильяма, одела Мелисанду в приличное платье, и их отправили вместе с гонцом, который вез письма в Лондон и располагал деньгами, чтобы платить за пиво и еду во время путешествия. У Мелисанды, которая ехала верхом на небольшой кобыле, вытребованной для нее гонцом в конюшнях Дуврской крепости, к приезду в Лондон с непривычки ломило все тело.

– Ждите здесь, – без дальнейших слов велел им гонец, когда они, переехав через мост, передали лошадей конюхам Тауэра.

На ночлег Хук с Мелисандой устроились в коровнике. Никто в огромной крепости толком не объяснил, зачем их сюда привезли.

– Вы не пленники, – обмолвился как-то винтенар – начальник над двадцаткой лучников.

– Нам нельзя отсюда выходить, – возразил Ник.

– Выходить нельзя, – согласился винтенар. – Но вы не пленники. Иначе кто б тебе дал миловаться с подружкой каждую ночь? – Он усмехнулся. – Где твой лук?

– Оставил во Франции.

– Тогда пойдем, выберешь новый.

Винтенара звали Венабелз, он сражался за старого короля еще при Шрусбери. Вражеская стрела, угодив ему в ногу, оставила его навсегда хромым. Он привел Хука в сводчатый подвал большой башни, где на широких деревянных настилах хранились сотни новых луков.

– Выбирай, – повел рукой винтенар.

В полутемном подвале луки – прямые, с ненатянутой тетивой, хотя уже с роговыми наколочниками на концах, – лежали плотно друг к другу, каждый высотой с рослого человека. Хук, вынимая их по одному, проводил ладонью по толстому цевью. Луки были сделаны умело; порой мастер оставлял даже бугры и сучки, чтобы не ослаблять древесину. Поверхность одних луков слегка лоснилась от смеси жира и воска, которой покрывалось готовое оружие, другие пока оставались невоощеными, и Ник их не трогал – дереву еще нужно было вылежаться.

– Луки в основном из Кента, – пояснил Венабелз, – хотя есть и лондонские. Лучников тут не делают, зато луки хороши.

– Точно, – согласился Ник, вытягивая самый длинный.

К середине древка утолщалось, он обхватил его левой рукой, слегка выгнул верхнюю часть цевья и отошел к решетке, сквозь которую лился солнечный свет.

Лук был прекрасен. Тисовое дерево, из которого его сделали, росло в южной стране, где солнце сияет живее и ярче. На лук пустили цельный ствол тонковолокнистой древесины без единого сучка. Хук провел рукой по плавно расширяющемуся древку, ощущая пальцами тончайшие неровности, оставленные скобелем мастера. Лук был новым: заболонь, из которой

делали внешнюю часть цевья, со временем примет медовый оттенок, а пока она оставалась белой, как грудь Мелисанды. Для внутренней же части бралась ядровая древесина цвета спелого желудя – как лицо Мелисанды, – и лук казался сделанным из точно подогнанных полос, белой и коричневой, хотя в действительности цевье было вырезано из цельного тисового ствола на стыке ядра и заболони.

«Господь сотворил лук, как сотворил мужчину и женщину», – сказал когда-то Нику пришлый священник в родной деревне. Господь сделал заболонь и ядро единой плотью, и такое слияние делало боевой лук воистину смертоносным. Темная жесткая сердцевина на внутренней части лука не поддавалась сжатию и при натяжении тетивы стремилась выпрямиться; светлая заболонь на внешней стороне свободно изгибалась дугой, зато, подобно сердцевине, норювила сразу же расправиться, и как только тетиву отпускали, заболонь упруго возвращала цевье в прежнее положение. Гибкий хребет тянуло разжаться, жесткая основа его подталкивала, и стрела неслась навстречу цели.

– Для какого ж силача это делали? – с сомнением произнес Венабелз. – Посох для Голиафа, а не лук! О чем только думал мастер?

– Наверное, не хотел укорачивать цевье, – предположил Ник. – Чтобы не портить красоту.

– Ну, парень, если сможешь его натянуть – он твой. Наручи вон там. – Винтенар указал на груды роговых щитков, потом кивнул в сторону бочонка с пенькой. – А тут тетива.

Шнуры, предназначенные для тетивы, слегка липли к пальцам: чтобы уберечь от влаги, пеньку покрывали копытным клеем. Отобрав пару длинных шнуров, Ник на одном завязал концевую петлю и закрепил ее на нижнем наконечнике лука, а затем, изо всех сил согнув древко и отмерив нужную длину, завязал петлю на другом конце шнура и, вновь согнув лук, накинул петлю на верхний наконечник. Середина шнура, которая будет ложиться в роговую насадку на хвосте стрелы, уже была обвита дополнительным слоем пеньки, чтобы усилить тетиву там, где она соприкасается со стрелой.

– Теперь пристреляться? – с готовностью предложил Венабелз.

Дружелюбный и общительный, он состоял на службе у коменданта Тауэра и всегда не прочь был поболтать с любым, кто согласится послушать рассказы о давних битвах.

Винтенар выбрался из подвала и бросил мешок со стрелами на полоску травы у выхода. Хук тем временем завязал на левой руке наруч, предохраняющий внутреннюю часть запястья от удара тетивой.

Где-то раздался вопль и тут же стих.

– Брат Бейли за работой, – объяснил Венабелз.

– Брат Бейли?

– Бенедиктинец, пыточных дел мастер на королевской службе. Добывает истину из очередного бедолаги.

– Меня тоже хотели пытать в Кале, – кивнул Хук.

– Кто?

– Священник.

– Неугомонные ребята, им только дай кого-нибудь помучить. Никогда этого не понимал. Сами говорят, что Бог тебя любит, и тут же вытряхивают из тебя последние кишки. Если станут пытать – лучше говори правду.

– Я и так говорил правду.

– Не всегда помогает. – Винтенар мотнул головой в ту сторону, откуда вновь донесся приглушенный вопль. – Тот бедолага, поди, тоже не врет, да только брат Бейли любит лишний раз убедиться, чтоб уж без сомнений. Ну, лук пробовать будем?

Хук воткнул десятка два стрел в землю перед собой. На полоске травы у гниющей копны сена, за сотню шагов, установили выпцветшую и изрядно побитую мишень вдвое шире среднего

человека. В другое время по такой цели Хук не дал бы ни единого промаха, однако первые стрелы из нового лука наверняка полетят мимо.

Лук сначала нужно научить гнуться. В первый раз Ник натягивал тетиву совсем слабо – стрела едва долетела до мишени, – затем с каждым разом натягивал тетиву все больше, отводя руку почти до лица и все же избегая сгибать цевье в полную силу. Он пускал стрелу за стрелой, выясняя повадки нового лука и приучая его к себе, и лишь через час, оттянув тетиву к уху, впервые натягивал лук во всю мощь.

Хук не замечал, что улыбается. Лук был прекрасен – в нем сливалась воедино красота тиса и пеньки, перьев и шелка, стали и ясеня, человека и оружия, чистейшей мощи, своевластного движения, отправляющего стрелу в полет после того, как истертые грубой пенькой пальцы отпускают тетиву. Последняя стрела вспорола воздух и, пройдя сквозь пробитый стрелами центр мишени, зарылась в сено по самые перья.

– Не в первый раз лук держишь, парень, – усмехнулся Венабелз.

– Точно, – подтвердил Ник. – Давно не стрелял, пальцы стер.

– Ничего, снова загрубеют, – откликнулся винтенар. – Если тебя не казнят, может, перейдешь к нам? В Тауэре жизнь неплохая. Кормят вкусно и сытно, служба не в тягость.

– Я бы не прочь, – рассеянно кивнул Ник, прислушиваясь к луку.

Несмотря на опасения, что несколько недель пути убавят сил и притупят навык, сейчас он натягивал лук легко, отпускал тетиву мягко и целился точно – как и прежде. Лишь слегка ныли плечо и спина да стерлись в кровь два пальца. Он внезапно понял, что счастлив, и от неожиданности застыл на месте, не отводя взгляда от мишени. Святой Криспиниан вывел его на солнечный свет, дал ему Мелисанду!.. Правда, его еще числят преступником вне закона. От этой мысли счастье слегка потускнело. Случись ему встретить сэра Мартина или лорда Слейтона, его тотчас же призовут к ответу и, вероятнее всего, повесят.

– А теперь давай на скорость, – не унимался Венабелз.

Хук, воткнув в землю еще пучок стрел, вспомнил дымную, полную воплей ночь, когда латники в мерцающих доспехах вступали сквозь брешь в Суассон, а он все стрелял и стрелял, не думая и не целясь. Из нынешнего лука, хоть и более тугого, стрелы летели так же часто. Ник, как и тогда, не задумывался, просто отпускал тетиву, брал следующую стрелу, накладывал на цевье, поднимал лук, натягивал и вновь отпускал – дюжина стрел пронеслась над полоской травы и одна за другой вонзилась в мишень не больше чем на ширину ладони друг от друга.

– Двенадцать, – послышался сзади веселый голос. – По одной на каждого апостола.

Хук обернулся. На него глядел круглощекий священник с легким пухом белых волос вокруг оживленного лица. В одной руке он держал кожаную сумку, другой твердо сжимал локоть Мелисанды.

– Ты, должно быть, мастер Хук, кто ж еще! Я отец Ральф. Можно выстрелить? – Священник положил сумку, отпустил Мелисанду и попросил: – Не откажи, дай попробовать! В юности я стрелял!

Ник передал священнику лук. Как бы ни был крепок сложением отец Ральф, раздобревший от спокойной жизни, натянуть тетиву ему удалось лишь на ширину ладони, дальше цевье задрожало от усилия. Отец Ральф помотал головой.

– Нет, сила уж не та, – признал он, передавая лук Нику. Поглядев, как стрелок без видимых усилий сгибает цевье, чтобы снять тетиву, он весело продолжил: – Пора нам потолковать! Добрейшего вам дня, винтенар, как поживаете?

– Прекрасно, святой отец, прекрасно, – расплылся в улыбке Венабелз, поднимая руку в уважительном приветствии. – Пока не дует с востока, нога почти не болит.

– Тогда я помолюсь, чтобы Бог слал вам только западный ветер, – радостно заверил его отец Ральф. – Вест, только вест! Пойдем, мастер Хук! Пролей свет на мое неведение! Просвети меня!

Священник, вновь подхватив сумку, повел Хука и Мелисанду в пристройку у куртины Тауэра и выбрал небольшую комнату, облицованную резными деревянными панелями. Обнаружив у стола всего два стула, отец Ральф послал за третьим.

– Садитесь, садитесь, – распорядился он, усаживая обоих у стола.

Он хотел услышать о происшедшем в Суассоне, и Хук с Мелисандой вновь рассказывали по-английски и по-французски о нападении на город, насилиях и убийствах, и перо отца Ральфа не останавливалось ни на миг. В сумке оказались листы пергамента, склянка с чернилами и перья, и теперь священник писал, лишь изредка задавая вопросы. В основном говорила Мелисанда, гневно и возмущенно описывая ужасы той ночи.

– Расскажи о монахинях, – попросил было отец Ральф и тут же, сконфуженно мотнув головой, повторил вопрос по-французски.

Мелисанда разразилась еще более гневной речью, временами замолкая и широко раскрытыми глазами глядя на отца Ральфа, когда тот, не успевая за потоком ее слов, жестом просил ее повременить.

Снаружи донесся топот копыт, через минуту послышался лязг: кто-то бился на мечах. Пока Мелисанда рассказывала, Хук выглянул в открытое окно. На площадке, где он только что осваивал лук, упражнялись латники в стальных доспехах, глухо звывавших под ударами мечей. Из всех выделялся воин в черных латах, на которого нападали сразу двое противников. Хуку, впрочем, показалось, что они быют не в полную силу. Десятка два латников встречали особо удачные удары аплодисментами.

– *Et gladius diaboli*, – медленно перечел отец Ральф последнюю фразу, – *repletus est sanguine*. Замечательно! Просто отлично!

– Это латынь, святой отец? – спросил Хук.

– Да, разумеется! Латынь! Язык Бога! Хотя Он, наверное, говорил на древнееврейском? Скорее всего! Как на небесах-то будет неловко – придется всем учить еврейский! А может, среди небесных нив сокровища красноречия откроются сами по себе? Я записал, что меч дьявола напитался кровью.

Отец Ральф дал знак Мелисанде продолжать, и его перо вновь заскользило по пергаменту. Снаружи донесся уверенный мужской смех – на площадке сражались еще два латника, в солнечном свете мелькали их мечи.

– Тебе непонятно, зачем переводить ваш рассказ на латынь? – спросил отец Ральф, закончив следующую страницу.

– Нет, святой отец.

– Чтобы христианский мир узнал о кровавых деяниях дьявольского отродья, французов! Твою повесть перепишут сотню раз и пошлют всем епископам и аббатам, всем христианнейшим королям и правителям – пусть знают правду о Суассоне! Пусть знают, как французы обходятся со своим же народом! Пусть знают, что Франция – обиталище Сатаны! – с улыбкой заключил отец Ральф.

– Сатана и впрямь обитает во Франции! – раздался резкий голос позади Хука. – И должен быть изгнан!

Развернувшись на стуле, Хук увидел у двери воина в черных латах, но уже без шлема, с влажными каштановыми волосами, чуть примятыми подшлемником. Молодой человек казался знакомым, хотя Хук не понимал, где мог его видеть. Как вдруг, заметив глубокий шрам у длинного носа, лучник бросился на колени перед королем, чуть не опрокинув стул. Сердце бешено колотилось от ужаса, почти как перед суассонской брешью, из всех мыслей осталась одна: вот он, король Англии!

Генрих досадливым жестом велел стрелку встать, хотя Хук не сразу нашел в себе силы подчиниться. Король тем временем, протиснувшись между столом и стеной, заглянул в пергамент отца Ральфа.

– В латыни я не так уж силен, однако суть ясна, – заметил он.

– Подтверждаются все слухи, мой государь, – ответил священник.

– А что сэр Роджер Паллейр?

– Его убил этот молодой человек, государь, – указал на Хука отец Ральф.

– Сэр Роджер нас предал, – холодно обронил король, – у наших людей во Франции есть свидетельства.

– Теперь ему исходить воплями в аду, мой государь, – уверил его отец Ральф. – До окончания времен.

– Прекрасно, – коротко кивнул Генрих, вглядываясь в страницы. – Монахини? Неужто?

– Именно так, государь, – подтвердил отец Ральф. – Христовых невест подвергали насилию и предавали смерти, отрывали от святых молитв и отдавали на поругание. Мы едва верили таким рассказам, однако эта юная особа все подтверждает.

Король взглянул на Мелисанду – та при появлении короля упала на колени вслед за Хуком и теперь трепетала от страха.

– Встань, – велел ей король. Обратив взгляд к распятию на стене, он нахмурился и закусил губу. После короткого молчания он заговорил, в голосе послышалась горечь. – Они ведь монахини! Богу пристало о них заботиться, почему Он не послал ангелов, чтобы их охранить?

– Возможно, Господь желал, чтоб участь монахинь стала знаком, – предположил отец Ральф.

– Знаком чего?

– Порочности французов, государь, и правоты ваших притязаний на корону несчастной французской державы.

– Стало быть, мне назначено отомстить за монахинь?

– Это не единственное ваше предназначение, государь, – смиренно ответил отец Ральф. – Однако такой долг возложен на вас в числе прочих.

Генрих, постукивая по столу рукой в латной перчатке, задержал взгляд на Хуке и Мелисанде. Лучник осмелился поднять глаза и, заметив беспокойство на узком лице короля, удивился: он всегда думал, что монархи не снисходят до тревог и не знают сомнений в собственной правоте, однако нынешний король Англии явно мучился необходимостью постичь Божью волю.

– Значит, эти двое, – Генрих кивнул на Ника и Мелисанду, – говорят правду?

– Готов поклясться, государь! – горячо подтвердил отец Ральф.

Король бесстрастно оглядел Мелисанду и перевел холодный взгляд на Хука.

– Почему выжил лишь ты один? – спросил он неожиданно жестко.

– Я молился, государь, – робко ответил лучник.

– Единственный из всех? – резко бросил король.

– Нет, государь.

– И Господь снизошел только до тебя?

– Я молился святому Криспиниану, государь. – Хук помедлил и решительно добавил: – Он со мной говорил.

Вновь повисла тишина. Где-то каркнул ворон, от Тауэрской башни по-прежнему доносились лязг мечей. Король, помолчав, протянул руку в латной перчатке и поддел Хуков подбородок, чтобы заглянуть лучнику в глаза.

– Он с тобой говорил?

Хук замялся, сердце колотилось где-то в горле. И все же он решил не скрывать правду, какой бы странной она ни казалась.

– Со мной говорил святой Криспиниан, государь. Его голос отдавался у меня в голове.

Отец Ральф раскрыл было рот, однако жест королевской руки в латной перчатке заставил его замолчать. Генрих, король Англии, смотрел в глаза Хуку, и у того от страха похолодела спина.

– Здесь слишком жарко, – вдруг произнес король. – Продолжим во дворе.

На мгновение Нику показалось, что Генрих обращается к отцу Ральфу, однако королю нужен был он, Николас Хук, и лучник вслед за своим королем вышел во двор, залитый после-полуденным солнцем. Королевские латы едва слышно терлись о промасленную кожу поддоспешника. Стражи шагнули было к королю, но тот жестом велел им остаться на месте.

– Как Криспиниан с тобой говорил? – спросил Генрих.

Хуку пришлось рассказать про обоих святых: как они явились, как с ним разговаривали, как Криспиниан оказался дружелюбнее... Рассказывать было неловко, однако Генрих отнесся ко всему серьезно. Остановившись, он поднял лицо – Ник был выше его на полголовы, – пытливым взглядом в глаза лучнику и, по-видимому, остался более чем доволен.

– Тебя благословили свыше. Если б со мной говорили святые!.. – задумчиво произнес Генрих и уверенно заключил: – Тебя оставили в живых ради какой-то цели.

– Я всего лишь охотник, государь, – смутенно признался Хук. Он чуть не добавил, что он еще и преступник, однако из осторожности смолчал.

– Ты лучник, – веско произнес король, – и святые говорили с тобой в нашей земле, во Франции. Ты орудие Божье. – (Хук от растерянности не нашелся с ответом.) – Господь даровал мне трон Англии и Франции, – резко продолжал король, – и если на то будет Его воля, французский престол вновь станет нашим. Коль мы решим за него сражаться, мне понадобятся люди, к которым благоволят французские святые. Ты хороший лучник?

– Наверное, государь, – осторожно признал Хук.

– Венабелз! – крикнул король, и винтенар, припадая на раненую ногу, перебежал через двор и упал на колени. – Как он стреляет?

Венабелз ухмыльнулся во весь рот:

– Лучше всех, кого я видел, государь! Лучше того, кто всадил вам стрелу в щеку!

Король от такой дерзости только улыбнулся – винтенара он явно любил – и пальцем в латной перчатке коснулся шрама у носа.

– Окажись выстрел посильнее, был бы у тебя сейчас другой король, Венабелз.

– Значит, в тот день Бог явил нам милость, государь, да будет Он благословен!

– Аминь, – заключил Генрих, с мимолетной улыбкой оборачиваясь к Хуку. – Стрела отскочила от шлема, поэтому ударила не сильно, хотя рана и вышла глубокой.

– А все потому, что забрало не опускаете, государь, – попенял королю Венабелз.

– Воины должны видеть лицо своего принца, – твердо произнес Генрих и вновь посмотрел на Хука. – Мы найдем тебе господина.

– Я объявлен вне закона, мой господин! – выпалил Хук, не в силах дольше скрывать правду. – То есть простите, мой государь.

– Вне закона? – бросил король. – За что?

Хук вновь опустился на колени:

– Ударил священника, государь.

Король молчал, и Хук, ожидая расправы, не смел поднять глаз. К его удивлению, Генрих вдруг усмехнулся:

– Уж если святой Криспиниан простил тебе эту немыслимую вину, то кто я такой, чтобы тебя казнить? А в здешней державе, – голос короля сделался жестче, – любой будет тем, кем я скажу. Стало быть, ты лучник, и мы найдем тебе господина.

Генрих, не проронив больше ни слова, зашагал к своим латникам, и Хук облегченно вздохнул.

Винтенар Венабелз, поднимаясь с колен, поморщился от боли.

– Решил с тобой поболтать, да?

– Да.

– Это он любит. Не то что отец. Тот, поди, и не улыбался никогда. А наш Хэл не важничает, всегда перекинется словечком с такими, как ты да я, – добродушно поведал Венабелз. – Что, найдет тебе нового господина?

– Сказал, что так.

– Ну, будем надеяться, не сэра Джона.

– А что за сэр Джон?

– Бешеный. Бешеный и дурной. Прибьет и не заметит, – усмехнулся винтенар и кивнул на пристройку у куртины. – Гляди, тебя ищет отец Ральф.

Священник, стоя на пороге, делал знаки подойти, и Хук отправился досказывать свою повесть.

– Господи ты боже мой, хромой ты придурок! Отводи! Отводи удар! Что ты шлепаешь мечом, как мятым дрыном, ставь жестко! И сразу нападай! – кричал на Хука сэр Джон Корнуолл.

Следующим движением меч командующего уже целил лучнику в бок, но на этот раз Хук успел отбить удар, ринуться вперед – и нарваться на кулак сэра Джона в латной перчатке.

– Ближе, ближе, – подстегивал его сэр Джон, – наступай, тесни, опрокинь, убей!

Однако Хуку оставалось лишь отступить и подставить меч под клинок сэра Джона, уже готовый обрушиться сверху.

– Да что с тобой, черт подери! – бушевал командующий. – Вся сила ушла на французскую шлюху? На этот тощий набор вшивых французских хрящей? Годдингтон! – рывкнул он своему сентенару. – А ну, раздвинь ее костлявые ноги, там хоть есть чем попользоваться?

Ярость захлестнула Хука до алого тумана в глазах, и он, не помня себя, кинулся с мечом на сэра Джона. Тот неуловимо скользнул в сторону, и в следующий миг его клинок, плашмя шлепнув Хука по темени, плавно взлетел, отбивая следующий удар. Даже в полном доспехе сэр Джон двигался легко и непринужденно, как танцор. Он сделал выпад, и на этот раз Хук, как было велено, отвел клинком меч и навалился на противника всем телом, стараясь сбить его с ног, бросить наземь и растереть в кровавое месиво, но вместо этого в затылок ему ударилось что-то твердое, зрение померкло, мир вокруг поплыл, и второй удар тяжелого намершия на рукояти меча сэра Джона бросил его лицом на клочья травы, торчащие в тронутой морозом земле.

Дальнейших слов сэра Джона он почти не слышал: голова раскалывалась, перед глазами все плыло.

– Злость нужна перед боем! – постепенно донеслось до него. – А не в бою! В бою надо шевелить мозгами, сколько их есть! А будешь злиться – убьют! – Сэр Джон повернулся к Хуку. – Вставай. Почему кольчуга не чищена? И клинок заржавел? До заката не отчистишь – велю выпороть!

– Не выпорот, – успокоил его вечером Годдингтон, сентенар сэра Джона. – Кулаком хватить, мечом полоснуть, даже кости поломать – это он запросто, только не иначе как в честном бою.

– Кости я ему и сам переломаяю, – мстительно пообещал Хук.

Сотник хохотнул:

– За десять лет только один человек – слышишь, Хук, один-единственный! – свел с ним бой вничью. Сэр Джон побеждал на всех турнирах в Европе! Не то что побить – подступиться к нему не надейся. Боец он славный!

– Мерзавец он славный, это точно.

Хук, на затылке которого густо запеклась кровь, сидел и сдирал камнем ржавчину с меча, Мелисанда поодаль чистила кольчугу. И кольчугу, и меч ему выдал сэр Джон Корнуолл.

– Он тебя изводил, чтоб заставить биться, злобы в нем нет, – добавил Годдингтон. – Сэр Джон над всеми насмехается, зато, если ты свой – а ты будешь своим, – он тебя всегда защитит. И твою женщину тоже.

На следующий день Ник смотрел, как сэр Джон одного за другим валяет лучников по земле. Когда подошел его черед, Ник успел-таки отвесить десяток ударов, прежде чем его развернуло, опрокинуло и швырнуло наземь. Командующий шагнул прочь с презрительной миной на изрезанном шрамами лице. Его презрение подбросило Хука на ноги, под бешеный град новых оплеух. Кожу ожгло порезом. Сэр Джон небрежно отбросил меч и вновь повалил Хука на землю.

– Прячь злобу! – прорычал сэр Джон. – Поддашься злобе – убьют, а мертвые лучники мне не нужны. Сражайся трезво! Трезво и жестко. Сражайся умно! – (К удивлению Хука, командующий протянул руку и помог ему подняться.) – У тебя быстрая реакция. Это хорошо.

Сэр Джон считался самым грозным бойцом на турнирах в Европе, хотя ему – кряжистому, широкоплечему, много лет проводшему в седле и потому кривоногому – было уже под сорок. Яркие синие глаза, каких Хук ни у кого больше не встречал, соседствовали на лице со сломанным носом и боевыми шрамами – от схваток с мятежниками, французских войн, трактирных драк и турнирных боев. Сейчас, в ожидании войны с Францией, командующий натаскивал оба своих отряда, лучников и латников, хотя разницы между ними он почти не делал.

– Мы войско! – вдалбливал он лучникам. – И латники, и стрелки – все быются за всех! Если тронут кого-то из наших, обидчик не уйдет безнаказанным!

Повернувшись к Хуку, он ткнул железным пальцем ему в грудь:

– Ты подходишь. Годдингтон, выдай ему налатник!

Питер Годдингтон принес Хуку белую льняную накидку с гербом сэра Джона – червленим оскаленным львом в золотой короне и с золотой звездой на плече.

– Поздравляю! – бросил сэр Джон. – Приступай к новым обязанностям. Какие у тебя обязанности, Хук?

– Служить вам, сэр Джон!

– Врешь! На это мне хватает челяди. Твое дело, Хук, – избавлять мир от всех, кто мне не нравится. Повтори!

– Избавлять мир от всех, кто вам не нравится, сэр Джон!

Таких в мире числилось явно немало. Сэр Джон Корнуолл любил короля, боготворил немолодую жену – королевскую тетку, обожал женщин, которые плодили ему случайных отпрысков, ценил своих бойцов. Остальной же мир для него почти целиком состоял из негодной падали, не заслуживающей того, чтобы жить. Он терпимо относился к землякам-англичанам, валлийцев звал вонючими карликами, шотландцев – облезлыми задницами, французов – сушеным дерьмом.

– Знаешь, что полагается делать с сушеным дерьмом, Хук?

– Убивать, сэр Джон!

– Подступать ближе и убивать! Чтобы слышали перед смертью, как ты дышишь, чтобы видели твою улыбку, когда ты их потрошишь. Мучить, Хук, и убивать. Верно, святой отец?

– Вашими устами вещают сами ангелы, сэр Джон, – с удовольствием подтвердил отец Кристофер, духовник сэра Джона.

В таких же, как у лучников, сапогах, кольчуге и плотно сидящем шлеме, он совершенно не походил на священника. Других в своем войске сэр Джон бы не потерпел: командующему нужны были бойцы.

– Вы не только лучники! – рычал он перед строем стрелков на зимнем поле. – Ваше дело – сыпать стрелами, пока вонючие мерзавцы не подойдут ближе, а потом убивать их мечом! Как

латники! Что с вас проку, если вы годитесь лишь стрелять? Врага надо бить так, чтоб видеть его дерьмо, когда он обделается перед смертью! Хук, ты хоть кого-нибудь убивал так, чтобы мог дотянуться облобызать?

– Да, сэр Джон.

Командующий широко ухмыльнулся:

– Расскажи про последнего. Как ты его убил?

– Ножом, сэр Джон.

– Я не спрашиваю чем, я спрашиваю как!

– Взрезал ему брюхо, сэр Джон. Снизу вверх.

– Кровь с руки капала, Хук?

– Лилась, сэр Джон.

– Вымочить руку в крови француза – каково, а?

– То был английский рыцарь, сэр Джон.

– Черт подери, Хук, я тебя люблю! Так и надо! – загрохотал командующий на все поле. – Резать брюхо, дырывать глазницы, кромсать глотки, отрезать яйца, вспарывать задницу, выдирать кишки, вырывать печень, протыкать почки – мне плевать, каким способом, лишь бы вы убивали врагов! Верно я говорю, отец Кристофер?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.